

Григорий Шепелев

Холодная комната

18+

Григорий Шепелев
Холодная комната

«Автор»

2013

Шепелев Г. А.

Холодная комната / Г. А. Шепелев — «Автор», 2013

Герои романа поочередно сталкиваются с рыжеволосой женщиной, которая очень напоминает изображение на одной старинной иконе. Все они после встречи с таинственной незнакомкой либо умирают при загадочных обстоятельствах, либо сходят с ума. Лейтенант районной прокуратуры Юлия Кременцова вдруг обнаруживает ключ к тайне. Ей становится ясно, кто эта женщина...

© Шепелев Г. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	41
Глава восьмая	63
Глава девятая	69
Глава десятая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Григорий Шепелев

Холодная комната

Григорий Шепелев

Холодная комната
(роман)

Вся эта история – вымысел. Ни в одном источнике не упоминается, что кто-либо нарисовал Иисуса Христа во время Его земного существования.

– Вам отрежут голову.
М. Булгаков

Часть первая

Поломка куклы

Глава первая

Маринка Лазуткина ездила в Кабаново с четырёх лет. Ей там нравилось. Больше всего на свете она любила бродить одна по диким местам, а из Кабанова куда ни глянь хоть с самой высокой крыши, до линии горизонта видны лишь поля, леса и головокружительной глубины овраги – хранители родников, медвежьих квартиры. Раздолье сказочное. Гора, на которой раскинулось Кабаново, северной стороной сползает к реке с широкими пойменными лугами. За рекой – лес, но только не смешанный, как на южном склоне горы, за селом, а хвойный. Его так и называли – Заречный лес. Далеко ходить в него опасались, так как, во-первых, он был дремуч и кишел гадюками, во-вторых – в нём можно было наткнуться на человеческие скелеты, вырытые зверями из неглубоких братских могил. Во время войны в Заречном лесу бои шли жестокие. Доходило даже до рукопашных. Однако издалека, с горы Кабановской, Заречный лес был красив. Маринка могла часами пялиться на него, взобравшись на дуб, который рос в поле, между деревней и верхним лесом. До Заречного леса от того дуба было километров шесть-семь, до верхнего – метров двести. В верхнем лесу водились медведи и кабаны, поэтому тётя Ира, у которой Маринка проводила каникулы, выдрала бы её, если бы узнала, куда она всё таскается вечерами. Маринка ей говорила, что ходит на реку. На реку тётя Ира легко её отпустила – Маринка плавала так, что ни один взрослый не мог угнаться за ней, двенадцатилетней. Даже четырнадцатилетняя дочь тётки Иры, Машка, у которой был первый юношеский разряд по плаванию, проиграла Маринке соревнование по заплыву от Лягушачьего острова до Утинового.

Тем не менее, дуб Маринка любила куда сильнее, чем реку. Не всякий кот сумел бы вскарабкаться на него, однако Маринку звали мартышкой не только за озорную рожицу. Руки у неё были цепкие, ногти – крепкие. Прежде чем лезть на дуб, она совала в карман штук пять подорожников, чтоб прикладывать их к ободраным о кору рукам и коленкам, на суку сидя. Ох, хорошо ж ей было на том суку, особенно в сумерках! Сидишь, смотришь, как загораются звёзды, как вдалеке, над речной долиной, туман сгущается, как волнуется на ветру пшеничное море, пересечённое уходящей за горизонт грунтовой дорогой... А позади шумят чащи, в которых бродят дикие звери. Жуть, как шумят! А за реку глянешь – и вовсе сердце трепещет. Над страшным лесом ярчает зарево городов далёких, ближе к реке разбросаны кое-где огни деревень. Днём их с дуба едва видать, деревеньки те, а ночью собачий лай из них слышен. Такая слышимость.

Кабаново – как на ладони. Выглядит оно так. Раздолбанная бетонка тянется круто вверх. Вдоль неё – дома. За ними – сады, а точнее – яблоневые, вишнёвые и сливовые дебри. Влезешь – заблудишься! Посреди села – старинная церковь с распахнутыми дверями. Она не действует. На её колокольне растут берёзки и мухоморы. Далеко за околицей, в поле возле бетонки, немного не доходя до верхнего леса – кладбище. Дуб, на суку которого вечерами Маринка крутит башкой – с другой стороны бетонки, на самой верхней точке возвышенности. Совсем, можно сказать, рядышком. Но ни страх перед обитателями гробов заставлял Маринку спрыгивать с дерева и бежать домой раньше, чем темнота уляжется на поля, а страх перед тёткой Ирой. Она была очень строгая. Даже Машку несколько раз лупила при всей деревне. А мертвецов Маринка ни капельки не боялась. Могла хоть спать лечь на кладбище. Вот какая была Маринка.

Нужно ещё сказать о двух Кабановках – Верхней и Нижней. Верхняя, насчитывающая десять домов, находится слева от Кабанова, меж двух оврагов. Один из этих оврагов тянется вдоль села, до самой реки. По нему струится ручей с запрудами для гусей и уток. У места его впадения в реку стоят двенадцать домов с большими садами и огородами. Это Нижняя Кабановка. Маринка с Машкой нередко спорили и дрались на тему того, какая из Кабановок лучше. Машке нравилась Нижняя – река близко, Маринке – Верхняя. От неё до дуба – полчаса

ходу по прямой линии через поле, от Нижней – сорок минут. С Верхней Кабановки, по сути, и началась вся эта история.

Началась она так. Как-то раз сидела Маринка на своём дубе и злилась. Злилась из-за того, что рано пришла – солнце ещё жгло, сидеть было тяжело. Иногда с поля дул ветерок, но горячий, душный. Тлела в глубине сердца и злость на Петьку, местного хулигана, который срезал в саду за церковью для неё, для Маринки, вяленький георгин, а для Машки – розу. Было очень обидно. Мучила жажда. Решив сходить к лесному ручью, что тёк за опушкой, Маринка глянула на широкую колокольчиковую поляну близ крайних ёлочек, и – застыла. Из леса шла к ней собака. Большая, рыжая, тощая. Незнакомая. Странно шла – ничего не нюхала, но задумчиво озиралась, как человек. Ошейника на ней не было. Не заметив Маринку, она миновала дуб и достигла места, где колокольчики, васильки и ромашки граничат с пшеничным полем. Там рыжая постояла, глядя на кладбище за дорогой, мимо которого грохотал грузовик со щебнем, и по едва приметной тропинке среди колосьев пошла к овражному перелеску, который тянется через поле до Кабановки. До Верхней. Маринку всё это озадачило. Но, признаться, ей больше хотелось пить, чем об этом думать. Она тихонько спустилась с дерева и направилась к лесу. Жуки, пчёлы и шмели, мнившие себя хозяевами поляны, злобно гудели со всех сторон. Маринка ругаться с ними не стала, даром что отличалась большой скандальностью. Сделав два десятка шагов, она вдруг зачем-то остановилась и обернулась. И ей вдруг стало прохладненько.

По пшеничному полю шла уже не собака, а молодая женщина. Да, да, женщина – тоже рыжая, тоже рослая и худая, но не имевшая, кроме этих примет, со странной собакой ничего общего. На ней был голубенький сарафанчик. Шла она босиком, и ветер трепал её огненные волосы, и качал с обеих сторон от неё колосья.

Глядя ей в спину, Маринка просто не знала, что и подумать. Поколебавшись, она решила пойти за нею, благо что солнце ещё висело над горизонтом, а из деревни, хоть и далёкой, слышались голоса. Ветер дул оттуда, и слышимость над полями всегда хорошая. Так Маринка и начала свой двадцатилетний путь в никуда, низко пригибаясь, готовая сесть на корточки, если странная незнакомка вдруг обернётся. Но та смотрела только вперёд и по сторонам. Шла она неспешно, срывая время от времени колоски и бросая их.

Конечно, нельзя сказать, что мороз прополз по спине Маринки только от неожиданности и сразу её оставил. Ведь мертвецов она не боялась лишь потому, что не верила в их способность производить какие-то действия, кроме как разлагаться, а тут собака вдруг стала женщиной! Ничего себе! Но сильнее страха была досада, что никто не поверит, если начнёшь рассказывать. Да и как расскажешь? До тёти Иры мигом дойдёт, и не миновать порки за променад возле леса. Так что, придётся об этом деле крепко молчать, как она молчала в начале лета о кабане, который вышел из леса и кувыркался в поле. Даром она тогда натерпелась страху! Никто о том кабане так и не узнал. А теперь об оборотне никто не узнает. Обидно было до слёз.

Женщина, меж тем, приблизилась к перелеску и побрела вдоль него. Тропинка там была шире, и если бы незнакомке вздумалось обернуться, Маринка была бы сразу замечена, продолжай она идти за ней по пятам. Потому Маринка двинулась перелеском, среди кустов и деревьев с цепкими сучьями. Они до крови раздирали лицо и руки, а кое-где вынуждали передвигаться ползком. Жгучая лесная крапива кусала за ноги. Но Маринке было не привыкать к таким испытаниям, и босая женщина не ушла далеко вперёд. Маринка ни на секунду не упускала её из виду. Она боялась лишь одного – скатиться в овраг, по краю которого пробиралась. Он был глубок настолько, что когда Петька наткнулся в нём на гадюку, Маринка с Машкой, стоявшие наверху, домчались до Кабанова раньше, чем Петька вылез. Потом он, правда, сказал, что не торопился, но это было точно враньё.

Подумав про Петьку, Маринка в ту же секунду его увидела. Он стоял на кромке оврага, и, согнув ствол орешника, рвал орехи. Заметив крадущуюся Маринку, он открыл рот с очевидной целью что-то сказать. Сделав страшный взгляд, Маринка прижала палец к губам и одним дви-

жением глаз указала Петьке на объект слежки. Петька вмиг оценил серьёзность сложившейся ситуации. Он пошёл бок о бок с Маринкой. Под его кедами не хрустел ни один сучок.

– Шпионка? – только и спросил он, не сводя прищуренных глаз со стройных и длинных ног незнакомки – ему уж было тринадцать.

– Оборотень.

Петька хладнокровно кивнул и вынул из кармана рогатку. Видимо, он знал об оборотнях нечто такое, чего Маринка не знала, и счёл не лишним держать оружие наготове. Они прошли за женщиной перелесок. Дальше был спуск к ручью, от ручья – подъёмы на Верхнюю Кабановку и Кабаново. Остановившись у спуска, женщина огляделась по сторонам. Петька и Маринка едва успели плюхнуться наземь. Густые заросли клевера скрыли их. Маринка увидела лицо женщины. Оно было очень красивым, хотя глаза казались холодными и бесцветными, как покрытое изморозью стекло. Маринку пробрала дрожь. Именно такой она представляла Снежную королеву. Если и была разница, то лишь в цвете волос, под вечерним солнцем казавшихся очень яркими.

Но внезапно красавица повела себя, мягко говоря, не по-королевски. Стоя спиной к Маринке и Петьке, чуть приподнявшимся на локтях, она задрала подол, спустила трусы до пяток и осторожно, чтобы не разозлить какую-нибудь пчелу, присела на корточки. Петька ахнул. За него можно было порадоваться. Маринка, которая созерцала голую задницу с меньшим трепетом, разглядела на ней какие-то линии ярко-красного цвета, пересекавшие щель. О том, что это за линии и откуда они взялись, думать было некогда, потому что растерянность Петьки длилась недолго. Раньше, чем женщина завершила мокрое дело, он вытащил из кармана камешек, зарядил рогатку и хорошенько прицелился, оттянув резинку почти на длину руки.

– Идиот! —коброй прошипела Маринка. Но было поздно – резинка хлопнула, камешек просвистел и угодил в цель с десятиметрового расстояния. Гололопая королева взвизгнула и вскочила, прижав ладонь к ягодице. Судорожно натягивая трусы, она повернулась. Её глаза были и растерянными, и злобными.

Только через несколько лет Маринка, в тысячный раз детально перебирая в памяти те мгновения, догадалась, почему Петька после своей проделки не ткнулся сразу лицом в траву, как она, Маринка. Он, видимо, полагал, что женщина от растерянности и ужаса повернётся к нему с трусами на пятках. Как бы то ни было – когда женщина повернулась, Маринка вновь лежала плашмя, а Петькина белобрысая голова торчала над лопухами и клевером. Приглядевшись к нему, подстреленная красавица улыбнулась, одёрнула сарафан и нежно спросила:

– Тебе не стыдно?

Петька, смутившись, что-то пробормотал.

– Ты сделал мне больно, мальчик, – сказала женщина.

– Извините, – прохрипел Петька.

– Ты что, следил за мной?

– Да, следил.

– Откуда?

– Оттуда.

И Петька махнул рогаткой в сторону дуба. Женщина поглядела туда, куда он указывал.

– Так откуда? От леса, что ли?

– Почти.

Помолчав, дама улыбнулась ещё приятнее и спросила:

– Хочешь меня домой проводить?

Петька засопел.

– А где вы... где ты живёшь?

– В Верхней Кабановке.

Петька поднялся, и, запихнув рогатку за пояс, подошёл к женщине.

– Ну, давай провожу, чего там, – проворчал он, стараясь говорить басом. По росту он ей не уступал. Она рассмеялась, дёрнула его за ухо, и они спустились к ручью. Красавица перешла его, без гримас ступая по острым камешкам. Петька с места перескочил. Маринка из клевера наблюдала, как они поднялись по крутому склону бугра к Верхней Кабановке и завернули к первому дому. Дом тот – бревенчатый, с низкой крышей, стоял слегка на отшибе. Десятки раз Маринка разглядывала его, когда проходила мимо, и не могла понять, обитаем он или пуст. Оконные стёкла были все целы, но так замутнены пылью и паутиной, что ни один предмет сквозь них не просматривался. Ни разу Маринка не видела свет за ними, дым из печной трубы при ней никогда не шёл, дверь не открывалась. Около дома росли одни лопухи, однако сквозь них тянулась к крыльцу тропинка. Миновав дом тот, Маринка сразу переставала думать о нём и ни у кого потом про него не спрашивала. Она не увидела, как босая тётка с Петькой вошли, потому что дверь была с другой стороны. Но она услышала, как дверь скрипнула, затем – хлопнула.

От Москвы шла туча. Нижний край солнца почти уж коснулся поля. Вскочив, Маринка кинулась вниз, к ручью, а потом – вверх, но не на бугор, к Кабановке, а на гору, к Кабанову. Она решила всё рассказать тёте Ире. А как иначе? Ей было страшно за Петьку. История-то прескверная! Но по мере подъёма страх пропадал, и, в конце концов, Маринка решила не нарываться на неприятности. Эта тётка наверняка поняла, сказала она себе, что Петька её не видел в собачьей шкуре, иначе он не пошёл бы с нею. А если даже не поняла, всё равно – за Петьку бояться глупо. Петька и на медведя один охотился, и быка усмирлял, и с пятью бандитами дрался, если не брешет. Что ему тётка? Да он возьмёт её за ногу, как того быка, покрутит над головой и хрястнет об стенку!

Так рассуждая, Маринка вошла в деревню и зашагала к своему дому, со всех сторон обсаженному смородиной. Она всё же не торопилась, взвешивая своё решение, и, в итоге, решила, что оно верное. Тётя Ира что-то готовила на терраске.

– А Машка где? – поинтересовалась Маринка, заглянув в сковороду.

– В беседке, с Анькой, – ответила тётя Ира, – А ты откуда?

– С реки.

Тётя Ира медленно обвела племянницу взглядом.

– А что, в реке крокодил завёлся?

– Какой ещё крокодил?

– Не знаю, какой. Наверное, злой.

Маринка смекнула, что речь идёт о её царапинах.

– Так я это... я ведь на том берегу загораю, за вторым бродом, а там – кусты! Пока продерешься...

– Вот это надо бы обработать, – произнесла тётя Ира, рассматривая царапину на щеке Маринки, – а ну, иди-ка спроси у Машки, куда она подевала вчера зелёнку, после того, как собаке лапу помазала!

Взяв со столика огурец, Маринка направилась через сени к выходу в сад. Открывая дверь, она обернулась.

– Тётя, а кто живёт в Верхней Кабановке, в первом домике справа?

Тётя Ира неторопливо резала в сковородку картошку.

– В первом домике справа?

– Да.

– Черти.

Идя по саду, Маринка бодро хрумкала огурцом. Туча приближалась. Стояли ранние сумерки. Машка с Анькой в беседке резались в карты. Аньке было пятнадцать. Она жила по соседству.

– Зелёнка где? – рявкнула Маринка, войдя в беседку и со всей дури грохнув кулаком по столу. Две картёжницы, раскрыв рты, уставились на неё.

– Ты чего орёшь, идиотка? – спросила Машка.

– Я у тебя спросила, зелёнка где, глупая ты задница! – заорала Маринка так, что курица за забором перестала кудахтать. Машка, бросив карты на стол, вскочила.

– Пошла отсюда, тварь! А ну, пошла вон!

– Значит, ты не дашь мне зелёнку, мразь тупорылая? – уточнила Маринка. Машка, не отвечая, схватила её за шиворот и пинком спровадила из беседки. Маринка, очень довольная, стала жрать смородину и крыжовник, которые росли рядом. Машка опять уселась за стол, и игра продолжилась.

– На хрен тебе зелёнка, овца? – поинтересовалась Анька.

– Харю твою хотела помазать, чтобы прыщей видно не было, – пробубнила Маринка с набитым ртом. Анька покраснела, да так, что двух её прыщиков и без всякой зелёнки не стало видно.

– Вот, блин, зараза, – сказала Машка, – просто блевотина!

– Да не обращай на неё внимания, – предложила Анька, – если бы твои уши так же торчали, как у неё, ты бы, небось, тоже на всех бросалась!

– Надо их ей отрезать, чтоб не страдала, – бросила Машка, – иначе целкой так и помрёт. Кто её захочет с такими-то лопухами на голове?

И обе девчонки расхохотались. Маринка чуть не заплакала, но не подала виду, что ей обидно. Утешило её то, что Машка, которая посмеялась над нею злее, осталась душой и получила от Аньки четырнадцать щелбанов – согласно числу оставшихся карт. Потом подружки решили сыграть ещё один кон. Темнота, усиленная нависшей над Кабаново тучей, им не мешала, так как в беседку была проведена лампочка. Не успела Машка сдать карты, как хлынул ливень. Маринке, ясное дело, пришлось присоединиться к картёжницам. Машка сдала и ей, чтоб она от скуки много не вякала.

– Что-то вас тётя Ира ужинать не зовёт, – заметила Анька, сосредоточенно глядя на свои карты.

– В ящик уткнулась, – сказала Машка, – сегодня – пятая серия того фильма, с Высоцким.

Вокруг беседки стояла сплошная стена воды. Она колотилась о крышу так, что девочкам приходилось говорить громко. Сверкали молнии. Громовые раскаты качали гору.

– А вы не знаете, кто живёт в Верхней Кабановке, в доме возле ручья? – спросила Маринка.

– Вокруг которого лопухи пошире твоих ушей? – уточнила Анька.

– Ну, да.

– Там черти сейчас живут.

Маринка чихнула, забрызгав стол красными от ягод слюнями. Машка, перевернув отбитые карты, пристально поглядела на Аньку.

– Какие черти?

– Обыкновенные.

– Ты их видела?

– Нет.

– Откуда ж ты знаешь, что они там живут?

Маринка все свои карты скинула. Кратковременная борьба между Машкой и Анькой опять окончилась поражением первой. Ругнувшись матом, она подставила лоб, и Маринка с Анькой дали ей по три щелбана. Пока она тасовала карты, Анька стала рассказывать:

– Прошлым летом я около того дома ужас как пропорола ногу какой-то хренью. Боль была жуткая. Кровь хлестала, как из пожарного шланга! Куда мне было деваться? Я на одной

ноге допрыгала до крылечка и постучала. Помню, что дверь открылась, а что потом случилось – не помню. Я потеряла сознание.

– А какого хера ты ошивалась там босиком? – перебила Машка, явно не склонная верить этому рассказу.

– Да ошивалась и ошивалась! – заорала Маринка, – что было дальше?

– Ногу я пропоролла часов в пять вечера, а очнулась ночью, возле ручья. Осмотрела ногу – никакой раны! И никакого следа от раны. Вот так.

И Анька, вытащив из-за пазухи сигареты «Космос» со спичками, закурила. Тут же закашлялась. Эти самые сигареты купил ей втюрившийся в неё тракторист по имени Витька. Отложив карты, Машка опять пристала:

– А почему ты решила, что это черти ногу твою лечили? Может, то были ангелы?

– Ангелы! – усмехнулась Анька, – тоже мне, ангелы! Ангелы бы, наверное, вылечили, и всё!

– А эти что сделали?

– Догадайся.

Догадливая Маринка расхохоталась, чтоб показать, какая она взрослая-превзрослая.

– Ты имеешь в виду, что тебя не только заштопали, но и вскрыли? – спросила Машка. Анька в ответ кивнула. Она курила маленькими затяжками, дабы не опозориться второй раз. Машка саркастически усмехнулась.

– Скажи ещё, что ты через девять месяцев родила чертёнка!

– Не родила. Событие, к счастью, произошло в безопасный день.

– Ты всё брешешь!

Анька вместо ответа расшнуровала правый кроссовок, сняла его, стянула носочек и положила ногу на стол.

– Посмотрите сами, остался ли посреди ступни хотя бы малейший след!

Маринка и Машка тщательно осмотрели голую ступню Аньки. Машка её даже оцупала.

– Это слабое доказательство, – заявила она, – ты могла наврать и про то, что её поранила.

Погасив окурок, Анька обулась.

– Может, мне ещё и трусы перед тобой снять?

– Когда это было?

– Сказала – в прошлом году!

– Да ты ещё в позапрошлом гуляла с Лёшкой!

– Да мы с ним даже не целовались!

– Ну и уроды! Кошки и те облизывают друг друга, прежде чем трахаться.

– Да иди ты в жопу! – вспылила Анька, и, встав, кинулась под ливнем к себе домой. Через пять минут тётя Ира принесла Маринке и Машке куртки. Они отправились ужинать.

Ужин происходил, как обычно, в горнице. Треть её занимала русская печь. В новостной программе по телевизору шёл рассказ про американских бродяг. Святые с икон глядели на чавкающую Маринку так, будто она спёрла еду у них. Однако, Маринку трудно было усовестить и словами, не то что взглядами.

– Машка мне отказалась зелёнку дать, – холодно наябедничала она, запихивая за обе щеки картошку, кусочки жареных карасей и салат из всего того, что успело созреть на грядках.

– Так надо было по-человечески обратиться, а не орать на весь сад! – огрызнулась Машка.

– Так я от боли орала! Это что, трудно было понять?

– Всё, хватит! – предотвратила кулачный бой тётя Ира, хлопнув ладонью по столу. Обе сразу утихомирились, и она с печалью прибавила, поглядев на окно, с другой стороны которого громыхало, текло, сверкало:

– вот зарядил-то! Похоже, что на всю ночь.

– Караси откуда? – спросила Машка, сдирая вилкой с жирного карася хрустящую кожицу.

– Петька утром принёс. Я ему за них полкило конфеток отсыпала.

Услышав про Петьку, Маринка вспомнила про чертей. Отхлебнув из кружки тёплого молока, она поинтересовалась:

– Тётя, а ты чертей тех сама видала?

– Каких чертей?

– С Верхней Кабановки.

Машка вздохнула.

– Она уж достала всех этими чертями! Просто достала!

– Я никого не достала, Машенька, – возразила Маринка, – мне говорят, что там – черти, я про них спрашиваю!

За окнами полыхнула молния.

– Я сама в точности не знаю, видала или нет, – ответила тётя Ира, – чёрт ведь умеет прикинуться кем угодно – хоть человеком, хоть зверем.

– А женщиной?

– Ну, не знаю. А почему ты спрашиваешь?

– Да, так. Я давно хотела спросить, что это за дом, но всё забывала как-то.

Выключив электрический самовар и взяв из буфета чайные принадлежности, тётя Ира стала наливать чай. По её лицу было видно, что разговор ей не нравится. Но, решив, вероятно, не вынуждать племянницу лезть с расспросами к другим людям, она сказала:

– Раньше в том доме жила старуха. Звали её Безносиха.

– Почему? – перебила Машка, – у неё носа не было?

– Да, практически не было. Уж не знаю, с рождения или из-за болезни. Она была очень злая и нелюдимая. Как-то раз заявила своему сыну с его женой, которые к ней приехали погостить из города: «Лучше дом свой оставлю чертям собачьим, чем вам!» Вскоре после этого умерла. Схоронили, поминки справили кое-как. Сын с женой уехали. Через сорок дней они возвратились – дом посмотреть, решить, что с ним делать. И – не смогли войти.

– Как так? – разом выдохнули Маринка с Машкой.

– Вот так. Дверь открыта, войти – нельзя. Как будто стена прозрачная выросла! И все поняли, что в том доме уже поселились те, кому мёртвая хозяйка его оставила – черти. С этого дня никто больше не пытался в него проникнуть.

Стали пить чай.

– А они как-нибудь себя проявляют? – не успокаивалась Маринка.

– Если бы они как-нибудь себя проявляли, никто бы рядом не жил. Но есть такой слух, что к ним порой ходит женщина в голубом. И ближайшей ночью после того, как она приходит, кто-нибудь умирает – либо в одной Кабановке, либо в другой, либо в Кабаново, либо где-то ещё поблизости.

– Что же это за тётка? – спросила Машка – язык Маринки, ясное дело, одеревенел.

– Да смерть это, смерть, – ответила тётя Ира, взволнованно поглядев на иконы, чего за нею никогда прежде не наблюдалось – иконы принадлежали её недавно умершей матери, а сама она сильно набожной не была, – смерть ходит советоваться с чертями, кого из здешних пора забрать.

Через час все спали: Маринка – на высоченной мягкой кровати прошлого века, Машка – на печке, а тётя Ира – во второй комнате, на диване. Дождь продолжался. Глубокой ночью Маринку вдруг разбудил далекий жалобный крик: « Маринка! Маринка!»

Маринка вся содрогнулась и широко открыла глаза. Её сердце прыгало, как тушканчик. Петька! Петька зовет на помощь! А вдруг послышалось? Масляная лампадка перед иконами не горела. Шторы были опущены. Полминуты Маринка не шевелилась и не дышала. Мёртвая тишина улеглась ей прямо на грудь каменной плитой. Простыня, вся сбившаяся под спину, пропитывалась холодным потом. Что было Маринке делать? Если бы Петька вновь заорал, она

бы вскочила, она бы бросилась на подмогу! Но он молчал. И молчало всё – от ходиков до кустов около калитки, которые шелестели даже от слабого, мимолётного дуновения ветерка. Ах, всё-таки надо было идти! Старательно вспомнив, какая смелая была Анжелика, Маринка выбралась из-под стёганого мешанского одеяла, прыгнула на пол, и, натянув штаны, вышла в сени. Во второй комнате, где спала тетя Ира, против обыкновения не было слышно храпа. Это удвоило осторожность Маринки. Не рискнув зажечь свет, она ощупью отыскала свои галоши, обулась, надела куртку, и, тихо сдвинув засов наружной двери, покинула дом.

Небо было сплошь затянуто тучами. Дождь едва-едва моросил. Деревня блестела под фонарями так, будто бы она не водой облита была, а ртутью. Ни единой живой души на улице не было. Даже полугодовалый щенок Сморчок, бесхозный любимец всего села – тот самый, которому Машка лечила лапу, который каким-то образом умудрялся быть всегда и везде, особенно там, где он не был нужен, и получал пинки – даже он забился куда-то и не подавал голоса. Между тем, Сморчок Маринке сейчас весьма и весьма пригодился бы. Она позвала негромко: – Сморчок, Сморчок!

Пёс не отозвался, не выбежал. И Маринка одна зашагала вверх по деревне, к спуску в овраг с ручьём. Свернув на тот спуск, она пожалела, что не надела высокие сапоги – грязь при каждом шаге сдёргивала галоши с ног. Хоть под гору шла Маринка, а до ручья нескоро дошла.

Споласкивая галоши, она смотрела на Верхнюю Кабановку, вырванную из мрака трепетной синью двух фонарей. Бугор, на котором съёжилась деревушка, напоминал громадную черепаху. Вот-вот, казалось, чудовище шевельнётся, двинется, поползёт, сокрушая всё на своём пути, и она, Маринка, от ужаса не успеет посторониться! С трудом прогнав опять подступивший страх, Маринка умылась, стиснула челюсти и отправилась выручать несчастного Петьку. Из глубины оврага за Кабановкой донёсся вдруг крик совы. Донёсся – и оборвался. Крутой подъём к деревушке имел широкую травяную обочину, и по ней Маринка быстро дошла до чёртова дома.

Окна его, как обычно, были темны. Из зарослей лопухов около крыльца торчали чьи-то длинные уши. Увидев их, Маринка сперва опешила, а потом поняла, кто их обладатель, и подошла поближе. Сморчок сидел перед полусгнившей ступенькой, тревожно вздыбив колкую шерсть, и тихо рычал, сверля дверь глазами. Маринка, ясное дело, очень обрадовалась ему.

– Молодец, Сморчок, молодец, – шепнула она, почесав собаку между ушами. Щенок взглянул на неё весьма выразительно и опять воззрился на дверь.

– Ну, давай войдём!

Сказав так, Маринка взялась за дверную ручку и потянула её. Дверь тихо, легко открылась.

Глава вторая

– Упрямство – её единственный недостаток, – сказала Галина Викторовна, – и это – её единственное достоинство.

– Как такое возможно? – спросил Марк Юрьевич, – она – ослик, что ли?

– Хуже, Марк Юрьевич, много хуже! Ослом можно управлять с помощью морковки, поскольку он её любит. А наша Сонечка сломя голову бежит прочь от того, что любит. Просто так, из упрямства.

Соне стало смешно. Кто бы мог подумать, что она будет смеяться, стоя перед преподавательницей и завучем? Эти два человека внушали ей даже больший трепет, чем опостылевший всему дому дважды судимый гопник Витька Курёхин, который однажды в лифте её схватил и порвал ей трусики. К счастью, лифт сразу остановился на этаже, и в него вошли другие соседи. Они всё поняли, но ни слова Курёхину не сказали. Соня, однако, была признательна им за то, что они и на его «здравствуйте» не ответили. Вероятно, от них об этой истории узнал Саша, гражданский муж её мамы. После короткого разговора с ним Курёхин неделю за водкой ходил с фингалом. Он с тех пор к Соне не приближался, но при случайных встречах вонзал в неё такой взгляд, что её душа опускалась в пятки. А вот сейчас ей было смешно. Возможно, из-за того, что учителя говорили с ней как со взрослой, пытаясь вызвать на откровенность глупыми обвинениями, оставлять которые без ответа было никак нельзя. И она ответила:

– Кто сказал вам, что я люблю классические гармонии? Меня просто от них тошнит!

– Тошнит? – поднял бровь Марк Юрьевич, – как давно?

– Да примерно год.

– Это интересно! Три года, стало быть, не тошнило, а с панками скорефанилась, и мгновенно – рвотный рефлекс? Так, что ли?

– Примерно так.

Марк Юрьевич застучал по столу ногтями и переглянулся с Галиной Викторовной.

– А сколько лет тебе, Соня?

– Через неделю будет четырнадцать.

– А мне – сорок. Тридцать из них я играю классику. И ты знаешь – я не могу её не играть, так как ни одно другое направление в музыке не даёт такого простора для виртуозных фантазий. Возможно, это звучит банально, но разве с этим поспоришь?

– Да это всё какие-то заоблачные фантазии, – проворчала Соня, – а я живу на Земле! Я хочу, чтобы музыка, которую я играю, целиком отражала мой образ жизни и мои принципы.

– А ты можешь их сформулировать?

– Да, конечно. Свободолюбие, прямота. Ну, вы понимаете.

– Понимаю. Ты, как я вижу, смотришь на вещи вдумчиво, обстоятельно. Мне бы этому научиться! Я ведь и сам свободу люблю, поэтому до сих пор ещё не женат. Так какую музыку свободолюбивые люди предпочитают? Не рок-н-ролл ли?

– Не только.

– А что ещё?

– Ну, например, джаз. Я хочу стать джазовой пианисткой.

Тут уж Галина Викторовна не выдержала. Вмешалась:

– Сонечка, какой джаз? Скажи, ты хоть знаешь, какая аппликатура аккордов в джазе и что такое джазовые гармонии? Для того, чтоб их строить, действительно нужно знать основы классических, но тебя тошнит не от них – ты к ним пока ещё даже не приближалась, а от качества звука, который ты извлекаешь!

– Но если я такая бездарная, почему вы хотите, чтоб я вас мучила дальше своей бездарностью? – разозлилась Соня, – отдайте мне документы, и распрощаемся!

– Ты не бездарная, ты упрямая, – возразила Галина Викторовна, – ты можешь учиться дальше и достигать успехов. Остался год. Один год! Если ты возьмёшься за ум и преодолеешь хотя бы эту ступеньку образования, у тебя пойдёт любой жанр! Любой! Ты уж мне поверь.

У Сони ужасно чесался носик. Но ей казалось, что если она решит измучившую её проблему, то перестанет казаться взрослой. И приходилось терпеть. Дверь была открыта. С третьего этажа, где контрабасисты готовились к выпускным, доносились вопли преподавательницы и гаммы. О, как их тягостно было слушать, стоя в лучах весеннего солнца, наполнившего учительскую таким предвестием лета, что и Петру Ильичу Чайковскому в лакированной раме было уже, казалось, на всё плевать. Он тоже хотел как можно скорее убраться из этой комнаты навсегда.

– Так что ты нам скажешь? – спросил Марк Юрьевич, перестав барабанить марш и взглянув на Соню поверх очков, – мы ждём твоего решения.

– У меня понизилась успеваемость, – робко бросила на стол Соня последний козырь, – по математике за год – тройка. И по французскому.

– Хорошо. У тебя есть время до понедельника. Если не передумаешь, пусть приходит за документами твоя мама. Тебе мы их не можем отдать. Иди.

Соскальзывая на попе вниз по перилам лестницы и идя затем к распахнутой настежь двери, Соня осознавала, что если ей сейчас встретится кто-то из любопытных – счастье будет отравлено, потому что придётся либо соврать, либо ещё раз унизиться объяснением, либо грубо обидеть. Ужасно этого не хотелось. Однако, на этаже оказались лишь маляры, уже соскребавшие с потолка старую побелку, хотя ремонт должен был начаться только через неделю, и тётя Зина, уборщица. Малярам до Сони не было дела, а с тётей Зиной она имела скверные отношения, потому её можно было не опасаться. Но за порогом Соня столкнулась с Нелькой, своей подругой буквально со дня рождения. Они вместе ехали из роддома в одной такси и жили все годы в одном подъезде. Нелька училась в скрипичном классе.

– Ну, как дела? – спросила она, схватив Соню за руку, – отбрехала?

– Да, кое-как. А ты для чего пришла?

– Учебники сдать, – ответила Нелька, хлопнув рукой по сумке, болтавшейся у неё на плече, – ты, может, со мной поднимешься?

– Ни за что! И ждать я тебя не буду.

– Ну, хорошо. Я завтра их сдам. Ты знаешь, мне очень нужно поговорить с тобой.

Если Нельке очень хотелось поговорить, пытаться избавиться от неё не имело смысла. И пришлось Соне идти с ней в парк, где они обычно гуляли. Располагался парк на самой окраине городка. В нём были скамейки, пруд и киоск с мороженым. Взяв по два эскимо, девочки уселись на травке возле воды, под ветками клёна. Солнце светило ярко, но грело слабенько, потому что дул сильный ветер. Две какие-то женщины на другой стороне бросали хлеб уткам. Те подплывали к самому берегу и дрались за каждый кусок.

– Ты хорошо сделала, что ушла, – говорила Нелька, скусывая с мороженого его шоколадную оболочку, – и я бы на фиг ушла. Срала я на эту скрипку! Мне больше нравится саксофон. Но мама, боюсь, расстроится. У неё и так хватает проблем. Отец опять запил. Вот твоей маме сказочно повезло!

– Не поняла. Чем?

– Ну, мужа нашла нормального.

– Он – не муж, – с досадой сказала Соня, – сколько раз повторять? Они не расписаны.

– Ну, и что? По факту он – муж. Я не понимаю, Сонька, что ты так злишься? Я ведь прекрасно помню твоего папу! Козёл он конченный! Пропил всё! И маму почти споил. Если бы не Саша... Слушай, сколько ему? Тридцатник-то есть?

– О чём ты хотела поговорить? – сурово спросила Соня, бросив в пруд палочку от мороженого. Второе ей не хотелось. Нелька хихикнула.

– А я знаю, из-за чего ты бросила музыкалку! Из-за того, что Саша сам сочиняет музыку и всё время тебе твердит, как круто быть пианисткой. Типа, назло? Но скажи мне, за что ты так его ненавидишь? Он ведь – реально отличный парень! Да, не мужик, а парень. На твоём месте я бы...

– Ты всё, коза, можешь сделать на своём месте!

Сказав так, Соня вскочила и побежала прочь по узкой дорожке. Нелька с трудом её догнала. Они помирились, однако весь остаток пути Соня сохраняла немногословие. А её подруга, напротив, не умолкала. Она рассказывала о мальчиках, которые за ней бегали, о семье, об учителях. Примерно на полдороге девочкам повстречались трое их сверстников. Вид они имели бандитский – драные джинсы, кроссовки, майки с изображениями рок-звёзд. Трёхэтажный мат стоял на всю улицу.

– Сонька! Нелька! А вы куда?

– Тащить кобылу из пруда, – отозвалась Нелька, – закурить есть?

Три юных бандита вальяжно вынули из штанов по пачке «Дуката». Один достал ещё зажигалку с очень тугим колёсиком. Впятером закурили, глядя по сторонам, чтоб не прозевать знакомых или милицию.

– Где сегодня тусуетесь? – поинтересовалась Соня, сбивая ноготком пепел.

– На стройке, за поликлиникой. Часам к десяти подваливай, если что! У нас будет пиво.

– Какое пиво? – фыркнула Нелька, – мама её прихлопнет, если узнает! Вы что, не знаете её маму? У неё – зверская паранойя. Всем делать не хера, кроме как совращать и спаивать её Соню!

Мальчики усмехнулись.

– Да неужели? Раньше она сама у пивных ларьков стриптиз танцевала за два рубля!

Разошлись, условившись позже встретиться. Вечерело. Когда две юные музыкантши достигли улицы, на которой стоял их дом, Нелька вдруг застыла, как вкопанная.

– Ого!

– Что такое? – спросила Соня, также остановившись.

– Ох, ни хрена себе! Посмотри!

– Куда?

– Да на остановку!

У Сони было слабое зрение. Она сделала десять шагов вперёд и только тогда поняла, что так впечатлило Нельку. Та вслед за ней не пошла. Перебежав улицу через «зебру» на красный свет, направилась напрямик к подъезду. Она была очень умной девочкой.

Под навесом автобусной остановки стоял мужчина в сером костюме с галстуком. Он курил, рассеянно скользя взглядом по проезжавшим мимо машинам. На лавочке рядом с ним стоял чемодан. Других ожидающих рядом не было. Соня медленно подошла. Увидев её, мужчина смутился. Выплюнул сигарету. На его выбритых, слегка впалых щеках проступил румянец.

– Сонечка, ты?

– Да, я. Вы что, уезжаете?

Саша очень долго молчал. Казалось, искал слова. Наконец, промолвил:

– Как видишь.

– Можно спросить, куда?

– В Ленинград. У меня там мама. Я ведь тебе про неё рассказывал. Помнишь?

– Помню. Так вы сейчас на вокзал?

– Конечно.

– Вас проводить?

- Спасибо, не стоит. Ведь у меня – один чемодан.
- Когда вы назад приедете?
- Никогда.

Соня огляделась, будто ища на лицах людей, идущих по тротуару, какое-то объяснение. Подошёл автобус. Трое мальчишек, перебежав дорогу, сели в него. А Саша остался. И он опять закурил.

- Приехал твой папа.
- Папа?
- Ну, да.
- И мама его впустила?
- Он здесь прописан. Такая вот ситуация.

Их глаза опять встретились. Соня морщила носик, из-за чего её взгляд казался насмешливым.

- Он – твой папа. И он тебя безусловно любит, Сонечка.
- Мама его впустила?
- А как она могла его не впустить? Объясни мне, как?
- И вы уезжаете?
- Уезжаю.
- Навсегда?

– Да. Но я тебе напишу. И мы с тобой ещё встретимся. Обязательно.

– А зачем нам встречаться? – спросила Соня, медленно сев на лавку, – ведь у меня есть отец, который меня безусловно любит! Вы сами это сказали.

- Но разве мы не друзья?
- Нет, мы не друзья, потому что я...

Её рот закрылся.

– Что – ты?

– Я бросила музыкалку! – крикнула Соня, подняв глаза, – вы горы свернули ради того, чтоб я поступила и чтоб училась! Купили мне пианино! Вдолбили маме, что я – способная! Занимались со мной, чтоб я, бездарная гадина, кое-как тянула программу! А я взяла и свалила из этой долбанной, сраной школы! И дверь хлопнула! Представляете, что я сделала? Ну какой я вам теперь друг?

Саша помолчал и ответил:

– Ты совершила ошибку, Сонечка. Но мы все ошибаемся, одни – реже, другие – чаще. Да, я очень хотел, чтобы ты достигла высот, которые оказались мне не по силам. Видимо, не судьба. Ты уже взяла документы?

- Да, да! Взяла! И разорвала! А знаете, почему?
- Не знаю. Скажи.

– Меня рвёт от мысли, что вы пытаетесь вылепить из меня какую-то ерунду, как из пластилина! Я вам – не пластилин! И я вам не дочка! И мне четырнадцать лет! И я вас люблю!

Через две минуты опять подошёл автобус. Саша уехал. Соня осталась на остановке. Она сидела там до утра. Никто её не искал.

Глава третья

Солнечным сентябрьским вечером тысяча девятьсот девяносто второго года к одному из подъездов пятиэтажки на улице Молдагуловой подкатила чёрная «Волга», ГАЗ-31 02. Её номера указывали на то, что принадлежит она государственным органам. Три старухи, галдевшие у подъезда, при виде этой красивой чёрной машины разом умолкли и пристально проследили, как она втиснулась между милицейскими «Жигулями» и «Скорой помощью».

– Персоналка, – определила одна из пожилых дам, прищулив глаза на номер. Вторая хмыкнула.

– Подполковник какой-нибудь! Высокое руководство нынче на «Мерседесах» гоняет.

Третья молчала. Пассажир «Волги», покинувший её ранее, чем водитель заглушил двигатель, после этого стал всё делать с неторопливостью. Он не тянул и на подполковника. Это был мужчина лет сорока или чуть за сорок, среднего роста, худой, небритый, стриженный по-мальчишески: чёлка длинная, сзади – коротко. Вышел он с «дипломатом» – то есть, с портфельчиком из разряда тех, которые стало модно называть кейсами. Тёмно-синий костюм сидел на мужчине, как сшитый по спецзаказу, но он был точно сшит не за один год до того, как его носитель стал разъезжать на казённой «Волге». Интеллигента в таком костюмчике куда проще представить где-нибудь в электричке, с двумя батонами колбасы подмышкой и газетёнкой перед заспанными глазами, чем в персоналке, с кейсом. А кейс как раз был хорош. Именно с таким ходил тогдашний премьер-министр, взхлёб проклинаемый всей страной за то, что вытаскивал её из смертельной пропасти как-то очень бесцеремонно, просто за шиворот.

Аккуратно захлопнув дверь персоналки, интеллигент достал сигарету и закурил. Потом он скользнул безразличным взором по всем окрестным домам с ярко отражающими багровое солнце окнами, по спортивной площадке с юными футболистами, по забору профтехучилища, по машинам, по гаражам, по притихшим бабкам, и не спеша зашагал к подъезду. Одна из бабок – та самая, что никак не прокомментировала его приезд, вдруг поднялась с лавочки и решительно преградила ему дорогу. Он попытался столь же решительно обойти её, но она успела схватить его за рукав.

– Скажите, вы следователь?

– А что?

Взгляд у обладателя кейса был ледяной, голос – хрипловатый. Хорошая сигарета торчала из уголка его рта как-то по-шпановски: не то торчала, не то свисала.

– Могу вам кое-что сообщить, – прошипела бабка, скосив глаза на приятельниц, затаивших дыхание, – но сперва скажите, как вас зовут и кто вы по должности?

– Я – следователь районной прокуратуры. Зовут меня Алексей Григорьевич Хусаинов.

Старуха подняла брови.

– Татарин, что ли?

– На четверть. А теперь вы представьтесь, пожалуйста.

– Вероника Валерьевна, – отрекомендовалась старуха, и, недоверчиво оглядевшись по сторонам, перешла на шёпот, – сегодня ночью сижу я, стало быть, под открытой форточкой у себя на кухне...

– Где вы живёте? – невежливо перебил Хусаинов.

– В семидесятой квартире!

– Третий этаж?

– Да, третий.

– А вы живёте одна?

– Одна! Дочка у меня весной замуж вышла, а сын с племянником...

– Всё понятно. Я к вам зайду. Будьте дома.

выдернув руку из цепких пальцев старухи, следователь вошёл в подъезд, и, вдруг заспешив, поднялся по лестнице с расшатавшимися перилами на четвёртый этаж. Идя от второго к третьему, он щелчком отправил окурочек в форточку. Деревянная дверь семьдесят четвёртой квартиры была открыта. В тесной прихожей сидел на стуле шупленький капитан с седыми усищами. Это был участковый. Он козырнул Хусаинову, незначительно приподнявшись, и протянул ему руку. Квартира была двухкомнатная. Алексей Григорьевич оглядел её из прихожей. В маленькой комнате, на тахте, поверх одеяла, лежал труп женщины. Эта женщина была голая. Её рот был открыт, притом очень широко, до предела. На подбородке и шее запеклась кровь. Мёртвые глаза смотрели на потолок с таким выражением, что семнадцатилетний стаж сыщичьей работы не удержал Хусаинова от невольного вздоха. Во второй комнате, на диване, лежал мужчина. Живой, одетый, в сознании. Рядом с ним сидел, делая ему внутривенный, врач Скорой помощи.

– Я могу с ним поговорить? – спросил Хусаинов, обращаясь к последнему.

– Через пять минут. Девушка уже с ним поговорила, и вот чем кончилось.

Хусаинов прошел на кухню. Там весело пила чай вся следственная бригада – два дактелоскописта, судмедэксперт Перинский и лейтенант Кременцова – двадцатипятилетняя длинноногая стерва с кукольными глазами, великолепным французским, сносным английским и чёрным поясом по дзюдо. Её многочисленные достоинства и таланты не впечатляли лишь одного человека, а именно Хусаинова, её шефа. Как-то раз он за попытку сделать ему без его согласия массаж плеч сделал Кременцовой такой массаж задней части тела, что все её столкновения этой самой частью с татами при смертоносных бросках показались ей не более чем шлепками войлочным тапком. С этого дня она зареклась прикасаться к шефу, но поклялась при каждом удобном случае отравлять ему жизнь различными способами. С фантазией у неё, в отличие от ума и совести, проблем не было.

– Кофе, чай? – мяукнула Кременцова, вручая следователю акт осмотра места происшествия. По привычке проигнорировав не особо важный вопрос с её стороны и тем самым не дав свершиться какой-нибудь обезьяньей выходке, Алексей Григорьевич пробежал акт глазами. Потом взглянул на судмедэксперта.

– Так что, реально язык отрезали?

– Вырвали, – уточнил Перинский, хрустя печеньем. Следователь вернул бумагу помощнице.

– Это как?

– Судя по отсутствию повреждений на нём – без помощи каких-либо твёрдых приспособлений. То есть, руками.

– А разве это возможно?

– Да, для гориллы. Но не для каждой, а лишь для склонной к припадкам бешенства и всю жизнь занимавшейся силовыми видами спорта.

Вряд ли судмедэксперт сказал это с умыслом, но лицо Кременцовой изобразило такое неудовольствие, что слегка усмехнуться посмел только Хусаинов. Если бы речь шла не об оторванном языке симпатичной женщины, он бы даже и рассмеялся, после чего услышал бы от своей помощницы просьбу подойти к зеркалу и расплакаться. Но сейчас ему было очень невесело и без зеркала.

– А когда наступила смерть?

– Да часов семь-восемь назад, – ответил судмедэксперт, – около полудня.

– Юлька, за мной, – скомандовал Хусаинов, и, взяв из вазы конфету, направился к входной двери. Проходя мимо усатого капитана, бросил ему:

– Ты тоже.

Плотно прикрыв за собою дверь, которая от нажатия затрещала, три офицера спустились к почтовым ящикам и окошку на межэтажной площадке и закурили – каждый свои.

– Ну, что у тебя? – спросил Алексей Григорьевич участкового.

– Десять лет они тут живут, – сказал капитан, – ну, точнее, жили. Квартира досталась им от какой-то родственницы Артемьева, уж не помню, какой. Жили вполне тихо, хотя и пили. Ни от них, ни на них никаких сигналов никогда не было.

– Она тоже квасила, что ли?

– Да так, слегка, по-интеллигентному. Тем не менее, год назад из школы её попёрли. Она там русский язык и литературу преподавала.

– А муж её где работает?

– На Туполевском заводе, мастером. Вечерами пашет в фирме «Заря», неофициально. Начальник ему – заказы, а он ему – половину денег.

– А что он делает?

– По квартирам ходит – карнизы вешает, люстры, зеркала, полки и всё такое.

Кивнув, Алексей Григорьевич удостоил своим вниманием Кременцову.

– Что он тебе сказал интересного?

– Что ушёл на работу в семь или даже раньше. Жена спала. Вернулся в семнадцать тридцать. Дверь была заперта. Ключ жены – на месте. Ничего, вроде бы, не пропало.

– Он хорошо смотрел?

– Какое там хорошо! В истерике бился.

– А третий ключ у них был?

– Он точно не помнит.

– Она ждала кого-нибудь?

– Он не знает.

– Он точно был весь день на работе?

– Да, я проверила.

Дверь семьдесят четвёртой снова открылась. Вышел врач с саквояжем. Спускаясь, он произнёс:

– Можете продолжить допрос. Но только сначала труп уберите. Я полагаю, что он вам больше не нужен.

– Организуй, – велел Хусаинов своей помощнице. Та направилась вниз, стуча каблучками. Врач пошёл следом. Капитан с Хусаиновым докурили молча. Гася окурок о стену, следователь спросил:

– А что за старуха в семидесятой живёт?

– Фамилию знаете?

– Нет, не знаю. Зовут её Вероника Валерьевна.

– А, Мартынова! – сплюнув, проговорил участковый, – что она вам наплести успела?

– Пока ещё ничего. А что она может знать?

– Ровно ничего она знать не может – кроме того, кто с чьей женой спит, кто на детских площадках собак выгуливает и кто квартиры сдаёт, налоги не платит. Раньше она ко мне каждый день таскалась, бубнила, какие все кругом сволочи. Как-то раз у меня было дел по горло, я ей об этом прямо сказал. А она – как будто не слышит, сидит, мозги компостирует! Я и рявкнул: «Ты расскажи, как при Горбачёве все Вешняки твоей самогонкой были заблёваны! Праведница нашлась! Пошла вон отсюда!» С тех пор ко мне – ни ногой. Сейчас она вам расскажет, какой я взяточник и охальник!

– А ты сегодня с ней говорил? – спросил Хусаинов, спускаясь к третьему этажу. Капитан шёл рядом.

– Возле подъезда столкнулся с ней, на пути к Артемьевым. Что, говорит, случилось, Сергей Сергеевич? Да Ленку Артемьеву, говорю, убили! Она заахала. Вот и весь разговор.

– А не рассказал, как убили?

– Я сам не знал. Да если б и знал – с какой пьяной радости стал бы этой лахудре оперативку выкладывать? Идиот я, что ли? Вот её дверь. Мозги мылом смажьте, если нет вазелина! Я вам больше не нужен?

– Спасибо, нет.

Милиционер, козырнув, вразвалочку удалился. Следователь нажал на кнопку звонка. За дверь заулюлюкало. Никаких других звуков не раздалось. Алексей Григорьевич ещё раз вдавил кнопку, потом – ещё и ещё, держа с каждым разом дольше. Если бы он занимался этим сознательно, размышляя над тем, почему старуха не открывает, а не над тем, что случилось этажом выше, то ограничился бы, пожалуй, одной попыткой. Его размышления оборвал стук шпилек по лестнице. Это шла назад Кременцова. Два санитара тащили за ней носилки.

– Что вы здесь делаете? – поинтересовалась она, поравнявшись с шефом. Её большие, синие, хитровато-въедливые глаза под длинными, тонкими, вскинутыми до самой чёлки бровями смотрели уничтожающе, – я не вижу на этой двери таблички с надписью: «Если ты мудака – позвони»!

Санитары разом заржали, продолжив путь к четвёртому этажу.

– Твоё голливудское чувство юмора начинает меня бесить, – сказал Хусаинов, отпустив кнопку, – скажи-ка лучше – там, у подъезда, бабка в зелёной кофточке не маячит?

– Бабка маячит, но не в зелёной кофточке, а в оранжевом плащике, – промурлыкала Кременцова, вспомнив, как Хусаинов обозвал её утром сопливой, глупой девчонкой, – бабка ничего, умная. Если вам её плащ не очень понравится, я схожу в магазин и куплю зелёную кофточку.

– Сходи в задницу, – предложил Хусаинов и устремился вниз. Кременцова бросилась вслед за ним, видимо, давая этим понять, что она вполне доверяет его практическому знакомству с маршрутом.

Недавняя собеседница Вероники Валерьевны в элегантном оранжевом одеянии, испытавшем дожди и бури сороковых годов, ошивалась по двору не одна. Десятков пять-шесть жителей района столпились там, ожидая выноса тела молодой женщины. Подойдя к старухе, громко рассказывавшей о том, как она полжизни пыталась вернуть покойницу на путь истинный, Хусаинов с помощью Кременцовой нежно отвёл её от толпы и тихо спросил:

– Мартынова где?

– Вероника-то? – хлопнула глазами бабулька, – так она дома сидит, вас ждёт! Вы в подъезд вошли, и она за вами шмыгнула сразу.

– Нет её дома, – жёстко надела на старушеницу Кременцова, миглом вкулившая, что к чему, – пятнадцать минут трезвонили без толку! Она слышит-то хорошо? Или точно так же, как ты мозгами ворочаешь?

– Хорошо, – обиделась старушонка, – лучше, чем надо!

Вынесли труп, упакованный, к огорчению публики, в непроглядный чёрный пакет. Старуха перекрестилась. Достав платок, утёрла глаза.

– Горе-то какое! Тридцать семь лет! Красавица, умница! Никому отродясь ничего худого не говорила... А что пятёрку тогда взяла у меня да не отдала, так Бог ей простит!

Тело погрузили и увезли. Толпа стала расходиться.

– А вы не знаете, что она собиралась мне сообщить? – спросил Хусаинов. Старуха высморкалась. Сложив, убрала платочек.

– Кто? Вероника?

– Да.

– Ерунду! Она, дескать, слышала, как Виталик Артемьев ночью Ленке орал: «Язык бы тебе оторвать за эти слова! Язык оторвать бы!» И про икону какую-то. Словом, нечего её слушать! Мало ли, что орал! Они ведь всегда орут, когда пьяные.

Алексей Григорьевич очумело взъерошил волосы. Кременцовские брови ушли за чёлочку. Догадавшись по выражению лиц своих собеседников, что её сообщение потрясло их до глубины души, старушка пробормотала:

– Да, про икону! А про какую – не знаю. Вы у неё у самой об этом спросите! Дома она сейчас. Хотите, дам ключ?

– Так у вас есть ключ от её квартиры?

– Да, есть. Она, когда уезжала в мае на дачу к дочке своей, дала мне его, чтоб я у неё цветы поливала. Вчера приехала. А ключ, сволочь, позавчера у меня упал за комод, и я его вытащить не могу! Комод надо сдвинуть, а он тяжелый, как...

– Вы живёте где? – перебил Алексей Григорьевич.

– Вон в том доме, – махнула бабка жёлтой рукой на многоэтажку за магазином, – десятый год уж там я живу! А раньше жила...

– Юлька, за ключом! – скомандовал Хусаинов и со всех ног побежал к подъезду. Кременцова гневно тряхнула своими тёмными, постоянно лохматыми волосами и поплелась с оранжевой бабкой ворочать её дореволюционный комод.

Впервые услышав менее частый, чем дробь отбойного молотка, стук Юлькиных каблучков, Алексей Григорьевич ощутил внезапную жалость к своей помощнице. Приближаясь к подъезду, он уловил оттенок этого чувства, знакомый с детства. Однажды, будучи совсем маленьким, он сломал своего любимого заводного мишку и горько плакал, жалея даже больше себя, чем этого мишку. Как только стук каблучков затих вдалеке, Хусаинов снова стал взрослым и мысленно обругал себя. Вот придурок! Как будто больше подумать не о чем!

На Москву опускались сумерки. Хусаинов шёл вверх по лестнице не спеша, размышляя, о чём и как говорить с Артемьевым, безобидным сорокалетним пьянчугой, который ночью кричал жене, что ей нужно вырвать язык, а вечером обнаружил её с оторванным языком. Относительно его алиби никаких сомнений быть не могло: если Кременцова сказала, что он весь день провёл на работе – значит, звонила и начальнику цеха, и на контрольно-пропускной пункт, она вполне въедливая особа. Перинский также не мог дать маху: если сказал, что смерть наступила примерно в полдень, значит – смерть наступила между одиннадцатью и часом. Этой старухе, Мартыновой, нет резона сочинять сказку именно про такой Артемьевский крик в ночи, если ей, конечно, действительно неизвестно, какая смерть постигла её соседку. Если б она хотела Артемьева засадить, не зная об обстоятельствах этой смерти, то врала бы иначе, например: «Голову проломлю!», или «Задущу!» Значит – либо знает, либо не врёт. Пока Хусаинов даже и не пытался составить из этих фактов какую-либо картинку. Он просто их отмечал.

Дактелоскописты уехали вместе с трупом. Артемьев пил на кухне коньяк с Перинским и плакал. Густой, прокуренный бас Перинского Хусаинов услышал ещё с площадки:

– Я тебе говорю, она умерла от разрыва сердца, а не от кровопотери и не от боли! Ты понимаешь? Твоя жена умерла ещё до того, как этот мерзавец, кем бы он ни был, схватил её за язык!

– Да какая разница, отчего она умерла? – проскулил вдовец, – она умерла, и точка! В тридцать семь лет!

– А ты что, хотел, чтоб она состарилась на твоих глазах и стала тебе противна? Чтоб ты при ней глазел на молоденьких, и она от этого мучилась? И чтоб вы, в конечном итоге, друг друга возненавидели? Этого ты хотел? Дурак ты, Виталик! Просто дурак! Или из упрямства не соглашаешься, что нет повода унывать, а наоборот! Давай ещё выпьем.

– Мы были с ней духовно близки! – стукнул кулаком по столу Артемьев, – духовно! Ты понимаешь? Да как тебе такое понять? Ведь ты всю жизнь в падали ковыряешься, как стервятник! Ты трупы знаешь, а не людей! Стервятник и есть.

– Духовно близки? – хихикнул судмедэксперт, икнув, – да что вас сближало-то, кроме водки? Она – учительница, а ты кто? Шуруповёрт!

– Я стихи пишу! – завизжал Артемьев, топнув ногой, – послушай, тупица!

Пока он с большим надрывом читал стихи про цены на водку и колбасу вперемешку с крысами, Хусаинов разглядывал сквозь очки единственную в квартире икону, точнее – то, что можно было принять за оную лишь в потёмках. Это была доска в иконном окладе – древняя, прокопчённая чёрным масляным дымом. Она стояла в маленькой комнате, на шкафу, заставленном книгами и тарелками. От иконы этот предмет отличался тем, что на нём отсутствовало какое-либо изображение, кроме контуров церкви в правом верхнем углу. Хусаинов тёр коготь пальцами, доставал из кармана лупу, но ничего так и не увидел под этой копотью, кроме церкви.

– Ну, а рифмы-то где? – зевая, спросил Перинский, когда Артемьев кончил читать. Тот опять взорвался:

– Да у тебя мозги, вообще, на месте? Или заменены на микропроцессор? Тебе что нужно – рифмы или глубокий духовный смысл?

– Перинский, исчезни, – тихо скомандовал Хусаинов, придя из комнаты. Грузный, старый судмедэксперт вскочил с быстротой мальчишки, которому в середине муторного урока велели выйти из класса. При этом он изловчился ещё и осушить рюмочку.

– Ухожу, ухожу, Порфирий Петрович! Желаю здравствовать.

И немедленно удалился. Дверью он хлопнул так, что всё на столе подпрыгнуло.

– Идиот, – прошептал Артемьев, беря бутылку. Прежде чем приступить к следующему действию, он помедлил, так как его внимание заострилось на Хусаинове, – вы кто? Следовательно?

– Так точно.

Дёрнув шнур выключателя, в результате чего под жёлтым, с разводами, потолком загорелась лампочка, Алексей Григорьевич сел за стол и открыл свой кейс.

– Я – следователь районной прокуратуры. Зовут меня Алексей Григорьевич Хусаинов.

– Как – Алексей Григорьевич? – изумился вдовец, звеня горлышком бутылки о рюмку, – ведь этот кретин сказал – Порфирий Петрович!

– Он пошутил. Порфирий Петрович – действующее лицо романа «Преступление и наказание», сыщик.

Артемьев сильно смутился.

– Ах, да, да, да! Как я мог забыть? А меня зовут Виталий Васильевич. Вам налить?

– Не надо, я вина выпью, с вашего позволения, – произнёс Хусаинов, достав из кейса бутылку красного.

– Вы всегда с собой вино носите? – удивлённо спросил Виталий Васильевич.

– Да, всегда. Очень уж люблю сухое вино.

Закрыв и поставив между ног кейс, Хусаинов взял гранёный стакан, сполоснутый Юлей после недавнего чаепития, и наполнил его примерно до половины своим любимым напитком. Чокнувшись, выпили.

– Да, с Порфирием-то Петровичем сильная промашка у меня вышла, – с досадой сказал Артемьев, – а ведь читал, сотни раз читал! Так что, уж не думайте, что я – быдло. Я – человек крепко образованный и культурный.

– Да в этом никто и не сомневается, – заявил Алексей Григорьевич, – Абсолютно понятно, что вы не поняли шутку лишь потому, что вам сейчас, мягко говоря, совсем не до шуток.

– Да, да, вы полностью правы в этом суждении, – посерьёзней Артемьев, – потеря близкого человека – это, знаете ли... Ведь мы четырнадцать лет с ней прожили! Представляете? Да, ругались, конечно, но кто с любимыми не ругается? Без скандалов – только у тех, кому глубоко плевать друг на друга!

– А то, что вы – человек культурный и образованный, – продолжал Алексей Григорьевич, – подтверждается тем, что всё из квартиры продано, а икона стоит на месте. Как будто даже и не мешает.

Артемьев был удивлён.

– Что значит, как будто даже и не мешает? Я вас, признаться, не понимаю. Как, вообще, икона может мешать?

– Не знаю, не знаю. Вы никогда с женой не ругались из-за этой иконы?

– Из-за иконы?

– Да.

Некоторое время Артемьев смотрел на следователя без всякого выражения, а потом вдруг прижал ладони к лицу и громко заплакал. У Хусаинова моментально начала ныть голова. Он не ожидал, что ему придётся услышать такие звуки. Но он решил их не останавливать, проявляя какую-либо реакцию. На второй минуте раскрошил в пепельнице окурочек.

– Что вы меня терзаете? – пропищал, наконец, Артемьев, опустив руки, – как будто вам неизвестно, что я весь день с работы не отлучался! Орал я ночью Ленке, орал, что надо бы ей язык оторвать! Ну, и что с того? Неужели ж я такой идиот, чтобы после этого своего дурацкого крика, который весь дом услышал, такое с нею проделать? Я никогда не пью до беспамьятства, это каждый вам подтвердит!

– Да вы расскажите, как было дело-то, – предложил Хусаинов, – но только коротко, внятно.

Артемьев вмиг успокоился и предельно внятно всё рассказал. Накануне вечером он халтурил – ходил по вызовам. На Шестнадцатой Парковой был заказ на врезку замка. Заказчицей оказалась женщина средних лет, по имени Ольга. Врезав замок, Артемьев исполнил ещё одно её пожелание, высказанное взглядом и поведением. Восхищённая Ольга преподнесла ему в дар икону – судя по всему, древнюю, очень ценную. На иконе была изображена сказочно красивая женщина с ярко-рыжими волосами и костяным гребешком в руке.

– А вы ничего не путаете? – перебил Хусаинов.

– Насчёт чего? – не понял Артемьев.

– Ну, насчёт изображения на иконе.

– Нет, ничего не путаю. Молодая баба – стройная, рыжая, с гребешком. Да вы можете сами удостовериться! Она там, на шкафу стоит.

Алексей Григорьевич промолчал, и рассказ продолжился. Возвратившись домой, Артемьев застал жену свою пьющей клюквенную настоечку. Тем не менее, она сразу же догадалась, что муж её напаскудил, и учинила ему скандал. Когда Виталий Васильевич попытался к ней подлизаться, она его оттолкнула и заорала, имея в виду икону: «Пусть эта тварь с тобой спит!» Тогда он и крикнул: «Язык тебе оторвать за эти слова!» После этого разошлись по комнатам, легли спать.

– А дальше вы знаете, – завершил Артемьев, – утром я ушёл на работу. Она храпела. Вечером прихожу, и – глазам не верю: язык валяется на полу, Ленка – на диване, всюду – кровища!

– А на икону не посмотрели?

– Да вроде нет. А зачем?

– Взгляните сейчас.

Недоумевая, Артемьев встал и поплёлся в комнату. Хусаинов ожидал крика, но прозвучал лишь возглас:

– Ого!

Вернулся Артемьев с вытянутым лицом. Плюхнувшись на стул, налил себе коньяку.

– Это та икона? – спросил Алексей Григорьевич.

– Вроде, да! А может быть, нет. Ведь её могли подменить! А? Как вы считаете?

Хусаинов молчал. Артемьев осушил рюмку и прохрипел:

– Это невозможно! Куда она могла деться?

– Дайте мне адрес женщины средних лет с Шестнадцатой Парковой, – попросил Хусаинов, вытащив записную книжку и авторучку. Артемьев вспоминал долго. Наконец, вспомнил:

– Дом десять. А корпус, кажется, три. Да, три! Квартира семьдесят пять. Десятый этаж.

– Это точно?

– Точно!

Хусаинов записал адрес и выпил полстакана вина.

– Виталий Васильевич, нужно будет ещё раз внимательно посмотреть, не пропало ли что-нибудь из квартиры. Любая мелочь важна!

– Чему пропадать-то, господи? – отмахнулся Артемьев, скорчив презрительную гримасу, – вы сами видите, как мы жили! Интеллигенты, ...!

– Тем не менее.

– Твою мать! – донеслось вдруг с лестницы. Вслед за этим раздался грохот двери, с размаху ударившейся о стену, затем ещё один грохот, на этот раз – от удара в пол пятидесяти семи килограммов. Вскочив и выбежав в коридор, Хусаинов увидел там Кременцову. Она лежала ничком, широко раскинув длинные ноги в чёрных колготках. Обуви на них не было. Пахло кровью. Одной рукой лейтенант сжимала бинт в упаковке, а другой – ключ с заводным колечком.

– Юлька, ты почему лежишь на полу? – спросил Хусаинов, – и где твои английские туфли?

– В жопе, – хрипло ответила Кременцова, вставая на четвереньки, – я триста метров скакала на одной ножке, как оловянный солдатик, потом – по лестнице этой сраной! Хотела тут постоять, отдышаться малость, да прислонилась сдуру к двери!

Отдав шефу ключ, Кременцова поползла в ванную.

– Да ты где поранилась-то? – вскричал Хусаинов, только теперь заметив, что лейтенант оставляет кровавый след.

– Сейчас расскажу!

В ванной Кременцова кое-как встала, сняла колготки и показала подошву правой ноги. На ней было пять глубоких колотых ранок, располагавшихся поперёк. Хусаинов кинулся было вызывать Скорую. Кременцова этому воспротивилась весьма бурно, и он, вернувшись, начал за ней растерянно наблюдать. Она взяла мыло, промыла ранки тёплой водой из душа, распаковала бинт и стала обматывать им ступню, злобно тараторя:

– Сраный комод! Уж не знаю, что она в нём хранит – наверное, кирпичи! Толкая его, я сломала шпильки – сперва одну, а потом другую! Естественно, психанула, швырнула туфли в мусоропровод. Иду обратно с ключом босая, сшибаюсь с какой-то девкой – чтоб ей, паскуде, с поносом в лифте застрять, и она роняет мне под ноги гребешок! Гребешок – изогнутый, упал, сука, зубцами кверху, и я на них наступила. Острые – жуть! Боль – адская, кровь херачит тремя ручьями! Девка – в истерике: извините, простите! Я её – матом!

– А как она выглядела? – взволнованно перебил Хусаинов.

– Длинная, рыжая! К морде я не присматривалась, но, кажется, неплохая морда... Ох, твою мать! Кровищи-то сколько вытекло!

– А одета во что? – спросил, прибежав из кухни, Артемьев.

– Меньше всего мне хотелось запоминать, во что эта тварь одета! Кровь, говорю, хлестала, как из свиньи! И до сих пор хлещет.

Завязав бинт, Кременцова поставила ногу на пол и обратилась к Артемьеву:

– Дайте тапки вашей жены!

– У неё, по-моему, тапок не было...

– Твою мать!

Прихрамав босиком на кухню, Кременцова цапнула со стола бутылку вина, присосалась к горлышку и зачмокала.

– А ты где взяла бинт? – спросил Хусаинов. Его помощница не спешила с ответом. Лишь усосав бутылку, утерев рот рукавом мундира и плюхнув попу на стул, проямлила:

– У Андрюшки, шофёра вашего! Что же мне теперь делать?

– Я донесу тебя до машины и отвезу в травмпункт, – сказал Хусаинов, – но только сначала загляну к этой... как её...

– Загляните, – буркнула Кременцова и потянулась к стоявшему на другом конце стола коньяку. Этакое дело Артемьеву не понравилось. Он прищурил глаза, заскрипел зубами, однако этим и ограничился, рассудив, что если глупая кукла с фарфоровыми глазами годам к двадцати пяти получила звание лейтенанта – значит, её могила исправит. Понаблюдав, как она сосёт прямо из бутылки его любимый коньяк за полторы тысячи, он не то вздохнул, не то застонал и уплёлся спать к себе в комнату. Алексей Григорьевич, хлопнув дверью, пошёл на третий этаж.

Было без пятнадцати девять. От коньяка, а также из-за того, что день выдался тяжёлым и нервотрёпочным, Кременцовой сделалось грустно. Закинув ноги на газовую плиту, она закурила. Потом зевнула, рискуя вывихнуть челюсти, и – как будто глотнула ещё тоски. Захотелось плакать. Двадцать пять лет! Почти двадцать шесть. Ни мужа, ни жениха. Ещё бы – с таким характером! Мать с отцом давно умерли, положив здоровье на то, чтоб она кое-как окончила и спецшколу с углублённым изучением французского языка, и курсы английского, и спортивную школу, и музыкальную – по классу гитары, и юрфак МГУ. Вдобавок, они оставили ей двухкомнатную квартиру на Октябрьском поле. Лучше других наук пошло у неё дзюдо. Упорные тренировки не отразились на привлекательности её фигуры. Мускулы развились стальные, но не объёмные. Её вряд ли можно было назвать красавицей из красавиц, но ни один здоровый мужчина, даже самый капризный, не погнушался бы её обществом. Тем не менее, что-то всё же не клеилось – там, внутри, откуда ползла на глаза тоска, давя из них слёзы. Причиной тому был секс, всегда вызывавший у Кременцовой серьёзнейшие душевные потрясения. Она начинала либо сильно любить, либо ненавидеть каждого человека, с которым у неё происходил половой контакт. И то, и другое было мучительно. посему она относилась к сексу, как к операции, а точнее – как к ампутации: не отрежут – умрёшь, отрежут – измучаешься. Видя поздними вечерами стоящих на Тверской девушек в мини-юбочках, Кременцова кусала губы от лютой зависти к ним. Для них секс – работа. Да, мерзкая, но ведь мерзость не растворяется в их крови! Она, в худшем случае, липнет к коже. Ополоснулась под душем, и снова хочется жить. Ах, если бы у неё всё было так просто! Если бы у неё всё было так замечательно!

Кременцова опять зевнула, и, чтоб развеять мрачное настроение, принялась разглядывать окружающие предметы. Все они были старыми и облезлыми, от солонки до холодильника. Всюду – грязь, окурки, обрезки сыра. В раковине – гора невымытой посуды. Стол весь прожжён, линолеум – продран. На холодильнике, поверх кипы журналов, лежит том Гоголя. Первый том – «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород». Он заложен окурком, где-то уж на последней четверти. Виден жёванный фильтр. Интересно, кто из них читал Гоголя – этот тощий ханурик или его жена? Попытавшись представить их за этим занятием, Кременцова свесила голову и уснула.

Поднял её – да, сперва поднял, затем разбудил, голос Алексея Григорьевича. Слетая со стула, лейтенант Кременцова ногой задела стоявшие на плите кастрюлю и чайник. Те с адским грохотом полетели на пол, и по всей кухне разлился прокисший борщ. Раздражённо глянув на очумело моргающую помощницу, Хусаинов крепче прижал телефонную трубку к уху и продолжал:

– В этом же подъезде, этажом ниже. Мартынова, Вероника Валерьевна. Задушили. Она была свидетельницей по делу. Я тут один, с Кременцовой. Жду.

Глава четвертая

Чёрный «ГАЗ-31 02» с включённой сиреной летел по Главной аллее Измайловского парка в сторону Первомайской. Андрей, заслуженный мастер спорта по автогонкам, превосходил самого себя. Юля Кременцова сидела сзади, судорожно сжимая двумя руками ручку двери, и не отрывала глаз от окна. Видела она какие-то смутные очертания и огни, точнее – их вихрь, очерчивавший вокруг изменчивые, головокружительные спирали. Сквозь вой сирены время от времени прорывались жалобные гудки подрезанных и едва не задетых автомобилей. У Кременцовой душа из пяток не поднималась ни на секунду. Её постылая жизнь внезапно ей стала очень мила. «Мне двадцать пять лет!» – думала она, – «Только двадцать пять! О, боже! Как страшно!»

Алексей Хусаинов, сидевший рядом с водителем, говорил по радиотелефону новейшей модификации. Он звонил руководству, звонил Перинскому, звонил Бровкину – своему второму помощнику, и звонил Хомяковой Ольге – той самой женщине, у которой Артемьев врезал замок накануне. Дольше всего Хусаинов общался именно с нею. Он называл её Оленькой, успокаивал, убеждал и как бы шутя предостерегал, что если ей будет присвоен официальный статус свидетеля, то в прокуратуру придётся ездить как на работу, посему лучше дать разъяснения неформально. Женщина дважды бросала трубку, однако на третий раз всё же согласилась его принять, посулив сперва позвонить в городскую прокуратуру и навести о нём справки.

– Да что вы с ней канителитесь, с этой шваброй? – негодовал Андрей, включив третью скорость и выезжая на встречную для обгона целой колонны машин перед светофором, – надо бы опергруппу направить к ней – пусть дверь вышибут да мозги ей вправят маленько, чтоб разучилась трубки швырять!

– Так нельзя, дружок, – возразил Алексей Григорьевич, разминая пальцами сигарету, – время не то. Да и ерундой мы, кажется, занимаемся.

Пошёл дождь. «Волга» уже мчалась по Первомайской. Близ Пятой Парковой её резко обошёл большой внедорожник – «Шевроле Тахо». После обгона он неожиданно развернулся боком и встал, как вкопанный, перегородив Первомайку. Андрюшка еле успел ударить по тормозам. Десятка два-три тормозных колодок заскрежетало и сзади.

– Ого! – сказал Хусаинов, просунув руку за отворот пиджака, – это интересно!

– Ух, ты! – примерно таким же тоном пискнула Кременцова, чувствуя себя вырванной из лап тигра сердитым сторожем зоопарка, готовым дать ей по заднице, – во дела!

Из «Шевроле Тахо» выпрыгнули два джентльмена стильного вида и атлетического сложения. На одном был красный пиджак, на другом – зелёный. Пружинистыми походками они двинулись к «Волге».

– Вы что, взбесились? – крикнул Андрей, опустив стекло. Выходцы из джипа приблизились с двух сторон.

– Ты, братан, смотри, кому подрезаешь-то, – добродушно пролаял краснопиджачный, просунув руку, лучше сказать – ручищу, внутрь «Волги», – нам ведь до фонаря, что ты – мент!

С этими словами громила схватил Андрюшку за горло. Худенький автогонщик затрепыхался, задёргался, но, поскольку он посвятил всю жизнь лишь автомобильному спорту и никакому другому – сразу обмяк. Зелёнопиджачный, тем временем, молотил по «Волге» ногами в квадратноносых ботинках. Не доставая оружие, Хусаинов распахнул дверь, чтобы выйти, но босоногая Кременцова сделала это раньше. Захлопнув дверь перед шефом, она подсечкой свалила с ног зелёнопиджачного, и, расквасив ему нос пяткой, бросилась на второго. Тот отпустил Андрюшку и попытался её схватить, однако был схвачен сам – за запястье, и припечатан к асфальту таким изящным броском, что можно было подумать – не девушка подняла его на

бедро, а слон поддел бивнем. При этом его зубам досталось не меньше, чем носу его напарника, потому что он влетел ртом в бордюр. Раздался довольно неплохой хруст.

– Убирайтесь, живо! – взвизгнула Кременцова, вырвав из кобуры пистолет. Вполне можно было этого и не делать, как и не топтать ногой, притом забинтованной. Оба джентльмена разом вскочили на ноги, плюясь кровью, и энергично ринулись к джипу, который через секунду после того, как они в него запихнулись, сорвался с места и ускользнул за пределы видимости.

– Вот это, блин, Голливуд! – прохрипел Андрей, когда Кременцова вернулась в «Волгу». Ослабив галстук, прибавил:

– Ну, вы даёте, Юлия Александровна!

– Юлька наша давать умеет, – подтвердил Хусаинов и повернулся к помощнице, – ты повязку не промочила в луже?

– А что, нельзя повязку мочить?

– Конечно, нельзя! Зараза в раны проникнет – ногу оттяпают!

– Твою мать, – встревожилась Кременцова, – лучше бы вам, Алексей Григорьевич, сейчас голову оторвали! Андрюшка, дай ещё один бинт и перекись!

Весь остаток пути до Шестнадцатой Парковой Кременцова, вывернув ногу, дезинфицировала обильно кровоточившие ранки и забинтовывала ступню. Это у неё получилось лучше, чем в первый раз – нога как бы оказалась в белом носке с пустотой на пятке. Снятый же бинт спортсменка, не долго думая, вышвырнула в окно.

– Тебе говорили, что надо ехать в больницу, – бесил её Хусаинов.

– Если бы я в больницу поехала – вы бы ехали сейчас в морг, Алексей Григорьевич! Ну вас на хер, честное слово!

Первый и второй корпуса дома номер десять по Шестнадцатой Парковой находились возле дороги, третий же затерялся чётр знает где – за помойкой, стройкой и детским садиком. Но Андрюшка быстро нашёл его и остановил машину перед подъездом. Тот был единственным.

– Всё, приехали, господа офицеры!

– Юлия Александровна, подожди меня здесь, я быстро, – проговорил Алексей Григорьевич, открывая дверь. Ответом ему было заявление, что он может не торопиться с Ольгой, пока Юлия Александровна будет здесь корчиться от боли. Пронаблюдав, как он, ссутулившись под дождём, шагает к подъезду со своим кейсом, Юлия Александровна высунула язык ему вслед, взяла у водителя сигареты и закурила на пару с ним. Некоторое время они молчали, слушая радио. Двор был светлым, но за его пределами далеко стояла плотная темень. Дождь усыпляюще шелестел по крыше машины.

– Андрюшка, а если мне в самом деле ногу отрежут, ты на мне женишься? – вдруг спросила тоскливым голосом Кременцова. Андрей, закашлявшись, повернулся к ней.

– Что за чушь? С какой пьяной радости тебе ногу должны отрезать?

– Ты на вопрос ответь.

– Но ведь я женат!

– Ты не разведёшься ради меня?

– Посмотрим.

– На что посмотрим-то? Что не видно сейчас?

Хусаинов, выйдя из лифта, полез в карман пиджака за спичками, потому что лифтовая площадка в форме угла освещалась одной-единственной лампочкой. Примыкали к этой площадке два коридора. Общие двери не были заперты, и за ними было светлее. Найдя нужную квартиру, следователь нажал на кнопку звонка. Дверь открылась сразу.

– Ещё раз здравствуйте, Ольга Викторовна, – сказал Алексей Григорьевич, удивлённо оглядывая хозяйку, – я вам звонил. Я – следователь.

– Входите, входите!

И Хусаинов вошёл. Закрыв за ним дверь, Ольга повела его в кухню. Идя за ней, он не отрывал глаз от её филейных частей, облепленных влажным шёлком халата. Голова Ольги была обмотана полотенцем.

Кухня имела вид неухоженный. На плите что-то жарилось.

– Удостоверение дайте, – потребовала хозяйка, предложив Хусаинову сесть за стол. Последовав приглашению, Алексей Григорьевич оказался рядом с целой горой мармелада, пряников и конфет в хрустальной посудине на высокой ножке.

– Пожалуйста.

Изучив документ, женщина вернула его владельцу.

– Одну минуту!

Сбегала в ванную, погремела чем-то, вернулась. Сев к столу боком, очень красиво закинула ногу на ногу.

– Ну, так что вы хотите знать, Алексей Григорьевич?

– Оленька, а вы чаю мне не нальёте? – вяло спросил Алексей Григорьевич, отдавая должное интуиции Кременцовой, – если не трудно.

– Не трудно. Дело привычное. Вы вина, может быть, хотите?

– Да, вина можно.

Ольга, вскочив, опять унеслась. Двигалась она не только стремительно, но и громко – шлёпанцы колотились о её пятки с чёткостью очень быстрого метронома. Но как она возвратилась – вечерний гость не услышал, ибо вернулась она без шлёпанцев, босиком. Поставив на стол бутылку «Кингзмараули» и два бокала, вручила следователю штопор. Откупоривание бутылок было вторым любимым занятием Хусаинова. Он вворачивал штопор неторопливо. Женщина наблюдала за ним сонными глазами, сидя напротив. Пальцы её тихонько скребли длинными ногтями пластиковую обшивку стола.

– А вы точно следователь?

– Моё удостоверение и помощница прокурора Москвы, телефон которого я вам дал, вас не убедили? Что же вам дать ещё, чтоб вы успокоились?

Она миленько рассмеялась.

– Я недоверчивая! К тому же, вы на следователя не очень-то и похожи.

– А на кого я похож? – спросил Хусаинов, выдернув пробку и наполняя бокалы.

– Пожалуй, что на студента.

Эти слова польстили Алексею Григорьевичу.

– Я так молодо выгляжу?

– Да, весьма. И чёлка у вас такая... ну, длинная!

Они выпили, съели по шоколадной конфете.

– Произошло убийство, – сказал затем Хусаинов. Ресницы невероятной длины тревожно затрепетали.

– Какой кошмар! А при чём здесь я?

– Скажите, пожалуйста, вам вчера врезали замок?

– Врезали. И что?

– Как мастера звали?

– Мастера?

– Да.

– Не помню. Точнее, даже не знаю. Не спрашивала. А что? К чему все эти вопросы? Они мне кажутся странными. Объяснитесь, пожалуйста.

Хусаинов налил ещё.

– Убили его жену.

– Жену?

– Да.

Ольга неожиданно усмехнулась и осушила бокал.

– Алексей Григорьевич! Вы свихнулись, если решили, что это я убила его жену. Вы его не видели, что ли?

– Почему? Видел.

– И как он вам?

– Да никак.

– Ну а если вам он никак, то почему мне он должен быть по-другому?

– Потому, что мы с вами – разные люди. Настолько разные, что нас вместе в баню не пустят.

Она задумалась. Он рассматривал её руки – тонкие, белые, суетливые. Они были более выразительны, чем глаза. Руки и глаза, казалось, принадлежали двум разным людям. Например, синие огоньки газовой плиты Ольга созерцала, как одинокий костёр в зловещей ночной степи, но при этом руки её вели себя так, словно неподвижность была им в тягость.

– Давайте – ка ещё выпьем, – предложил Хусаинов, беря бутылку. Ольга кивнула, и предложение тут же было реализовано.

– Курить можно?

– Можно. Но уж скажите мне, наконец – что же вы хотите узнать, Алексей Григорьевич? Дело – к ночи.

– Я очень хотел бы знать, кто изображён на иконе, которую вы ему подарили, и где вы взяли эту икону.

Ленивый взгляд больших глаз переполз с конфорки на Алексея Григорьевича.

– Икону?

– Да.

– Он сказал, что я подарила ему икону?

– Именно так.

– Но это не так! Я этому алкоголику вовсе ничего не дарила!

Следователь молчал. Ольга разозлилась.

– Да вы с ума сошли! По-вашему, я настолько стара, что вынуждена заманивать к себе всяких озабоченных алкоголиков и дарить им подарки? Вы просто хам!

– Успокойтесь.

– Не успокоюсь я! – кипятилась задетая за живое дама, – может, и вы пришли ко мне за подарками? В таком случае, вон отсюда! Незамедлительно!

Хусаинов закуривал.

– Я пришёл проверить оперативную информацию. Не дарили – так не дарили. Значит, он врёт. Очень хорошо. Будем выяснять, зачем ему это нужно.

– Он что, иконой жену свою уколошил? – сменила женщина гнев на милость.

– Можно сказать, что да.

– Обалдеть! Икона, надеюсь, цела осталась?

– Да не совсем.

У Ольги опять задрожали губы от бешенства. Стукнув по столу кулаком, она пропищала:

– Я бы всех алкоголиков отдавала на растерзание львам! Да, львам! Зачем тратить деньги на прокорм львов в зоопарке, если есть гады, которые полагают, что можно ездить верхом на женщинах, а потом избивать их до смерти?

– Успокойтесь, – рассеянно повторил Хусаинов и поглядел на часы. Было уже двадцать минут одиннадцатого.

– Успокойтесь! – передразнила Ольга, – благодарю за рекомендацию! Вам легко говорить! Вы – сам такой, вижу! Мужчины все таковы!

Где-то в полутёмной, спрятанной за углом глубине квартиры пронзительно зазвонил телефон. Ольга поднялась, продолжая корчить презрительную гримасу, и с резким, злым виля-

нием ягодниц пошла брать звонок. Алексей Григорьевич стряхнул пепел в мусорное ведро, стараясь прислушиваться.

– Аллю! – донеслось из комнаты, – вы ошиблись.

Стукнула трубка о телефон. Вслед за тем раздался тихий щелчок – не иначе, из телефонной розетки вынули вилку. Сразу же после этого прибежав обратно на кухню, Ольга опять уселась, выплеснула остатки вина в бокалы и убрала бутылку под стол.

– Простите, вспылила.

– Вы, как я вижу, ни разу не были замужем?

– Не была. И не собираюсь. Дура я, что ли? Уж на что мой отец был ангел, хоть и с погонами, а мать всё-таки умерла совсем молодая! Я её почти и не помню.

Чокнулись. Осушили бокалы.

– Но ведь случается, что и жёны переживают своих мужей, – заметил, давя зевок, Хусаинов. Ольга лишь усмехнулась и неконфликтно сделала взмах рукой – дескать, полно чушь говорить, Алексей Григорьевич! Хусаинов опять взглянул на часы и встал.

– Ну что ж, мне пора. Приятных вам сновидений, Оленька.

Послунявив пальцы, он погасил окурок, бросил его в ведро, и – куда быстрее, чем птица взмахивает крылом, повернулся к Ольге. В его руке был «Макаров», направленный ей в лицо, буквально перекосившееся от ужаса под слоями белой косметической маски. Разинув рот на неимоверную ширину, женщина отчаянно завизжала.

– На пол, сучара! – переорал её Алексей Григорьевич, – мордой в пол! Руки на затылок!

Глава пятая

Сигареты кончились. Дождь слабел, усиливался, опять слабел. Исчерпав все темы и рассказав друг другу по анекдоту, Андрюшка и Кременцова затянули романс о душистых гроздьях белой акации. На втором куплете зазвонил радиотелефон.

– Уроды! – взвизгнула Кременцова, больше всего на свете любившая петть дуэтом – неважно с кем, хоть с коровой. Просунув левую руку, все пять ногтей на которой были острижены, между спинками передних сидений, схватила трубку.

– Лейтенант Кременцова на связи!

– Юленька, – запищала трубка голосом заместителя районного прокурора, Инны Сергеевны Карнауховой, – Алексей Григорьевич сейчас где? Не в машине, часом?

– Нет, не в машине, Инна Сергеевна. Он в квартире у этой женщины, Ольги. Мы его ждём около подъезда.

– Да? Странно, странно! Я три минуты назад звонила туда, чтобы обсудить с ним один вопросик, и дама мне заявила, что я не туда попала. Но это глупость какая-то – я проверила свой звонок, и оказалось, что номер был набран правильно. А потом телефон там выключили. Интрига, Юленька!

– Шок! – возмущённо ахнула Кременцова, – Инна Сергеевна, неужели он её там чеховстит?

Трубка хихикнула.

– Это бы меня удивило, хоть и не сильно. Я ещё час назад, когда он стал мне рассказывать про икону и гребешок изогнутый, заподозрила, что сухое вино – не такая суперполезная штука для мозговых сосудов, как он считает! Что там у тебя с ногой? Действительно травма очень серьёзная?

– Ерунда! Он преувеличил.

– Ты, в таком случае, поднимись туда, Юленька, посмотри, что там происходит! Если наш дорогой Алексей Григорьевич в самом деле крышей потёк – отправь его на больничный. Я разрешаю. Не на заслуженный отдых по инвалидности – на больничный. Ты понимаешь разницу?

– Да, конечно, – сухо отрезала Кременцова и положила трубку. Её трясло.

– Что случилось? – зевая, спросил Андрей.

– Пока непонятно. Видимо, мне придётся туда подняться.

Но подниматься ей не хотелось, тем более – босиком, со свежей повязкой, которую получилось так хорошо наложить.

– Татарская рожа! – пробормотала она, стиснув кулаки, – хренов ловелас! Развратный козёл!

– Кто, кто? Алексей Григорьевич?

Кременцова мрачно молчала. Её уже всю трясло, но не исключительно из-за злости. От пяток к шее скользкими, ледяными волнами полз озноб. Это было мерзко, да и некстати. Но, может быть, он уже спускается, вот-вот спустится?

– Засеки минуту, Андрюшка!

Положив пальцы правой руки с ногтями большой длины на запястье левой, спортсменка стала считать биение жилки. Правые ногти ей требовались для качественного звукоизвлечения из гитары. Андрей смотрел на часы.

Через полминуты дверь подъезда открылась, и вышла женщина. Молодая, стройная, рослая. Час спустя Андрей в своих показаниях называл эту даму девушкой. На ней были джинсы, кроссовки, курточка и бейсболка, надетая козырьком назад. Раскрыв зонт, дама огляделась и зашагала к детскому садику. Кременцова следила за ней пустыми глазами. Она как будто даже её не видела, хотя та проходила прямо под фонарём.

– Стоп! – сказал Андрей, опуская руку с часами, – ну, сколько там насчитала?

– Андрюшка, в семьдесят пятую поднимись, пожалуйста, на десятый! – крикнула Кременцова и распахнула дверь.

– Ты куда, куда? Повязку намочишь!

Но Кременцова, сверкая голыми пятками, уже мчалась по лужам за незнакомкой, успевшей скрыться во мраке за полосой фонарного света. Эхо крика Андрюшки ещё звенело, когда за ней исчезла и Кременцова.

– Вот истеричка чёртова! – проворчал Андрюшка, стукнув кулаком по рулю, – вот зараза бешеная! Вот сучка! Очередной закидон!

Продолжая ругань, сунулся было за сигаретами, вспомнил – кончились. Не хотелось ему никуда идти. Но выбора не было. Как ответственный человек и сын офицера, не мог он проигнорировать даже тень намёка на то, что шефу грозит опасность.

Лифта пришлось ждать долго, и поднимался он медленно. Дверь квартиры была распахнута. Алексей Григорьевич Хусаинов лежал ничком на полу, между туалетом и кухней. Не то лежал, не то плавал – под ним была лужа крови почти на весь коридор, до самой прихожей. Потрогав руку начальника, Андрей понял, что Скорую уже можно не вызывать. Он медленно прошёл в комнату, зажёл свет и увидел труп худой женщины в чёрном нижнем белье. Женщина лежала перед сервантом, одна из полок которого была вся заставлена импортным алкоголем. Крови из женщины вытекло ещё больше, чем из Алексея Григорьевича. В край бурой, застывшей лужи влипли два шлёпанца.

Подойдя к телефону, Андрюшка вытащил носовой платок, взял через него вилку, вставил её в розетку, так же взял трубку и авторучкой нажал семь кнопок.

– Прокуратура Ждановского района, – буркнула трубка после двенадцатого гудка, – старший лейтенант Никаноров.

Андрей сухо поздоровался со своим приятелем и предельно кратко обрисовал ситуацию.

Глава шестая

Дождь скорее накапывал, чем хлестал, но был ледяным. Пробежав вдоль садика, Кременцова остановилась. Дальше дорога, тянувшаяся к Шестнадцатой Парковой мимо стройки, была прекрасно освещена. Достичь по ней улицы к данному моменту женщина с зонтиком не смогла бы, даже побив мировой рекорд по скорости бега на стометровку. Логично было предположить, что она свернула с неё, благо что с обеих сторон виднелись жилые и нежилые здания, окружённые закоулками и заборами. Кременцова долго стояла на одной ножке, как цапля, решая, что предпринять. Можно было бегать кругами по подворотням, рассчитывая на чудо. Можно было рыдать и биться головой о бордюр, пока он не треснет, а можно было вернуться в «Волгу» и по спецсвязи одним звонком поднять на ноги все окрестные райотделы. Бегать кругами хотелось меньше всего. Слёзы уже текли из глаз Кременцовой, бордюр был близко, но она кое-как взяла себя в руки и повернулась, выбрав вариант номер три. Шагнуть не успела – со стороны помойки с тремя контейнерами, поблизости от которой она стояла, прогремел выстрел. Не холостой. Из «Макарова». Кременцова молниеносно шлёпнулась на асфальт, забыв, что он – не татами. Что при этом отшибла, не поняла – от боли извилины натянулись между ушами и загудели, словно басовые струны. Стрельба продолжилась. Ни одна из пуль ближе чем за метр от Кременцовой не просвистела. Понятно было, что тот, кто их посылал, впервые столкнулся с таким противным явлением, как отдача. После девятого выстрела прозвучал безвольный щелчок. Услышав его, Кременцова с бешеной рожей поднялась на ноги, вынула свой «Макаров», взяла на прицел центральный контейнер и ласково предложила:

– Ну а теперь выползай, паскуда вонючая! На карачках! Ствол возьми в зубы! Выползай, живо!

– Эй! Вы чего там, с ума сошли? – послышался за спиной мужской грубый голос, – что за пальбу устроили?

Кременцова сообразила – сторож со стройки.

– Всё хорошо, – сказала она, не спуская взгляда с контейнера, – за ментами сбегай! Скажи, что я – из прокуратуры.

– А вот они, уже здесь!

Услышав позади топот двух человек могучей комплекции, Кременцова не удивилась. Она припомнила, что за стройкой видела двухэтажную хрень с табличкой «милиция», когда ехала с Хусаиновым и Андрюшкой к третьему корпусу. Но когда её, подбежав с боков, за одну секунду обезоружили, сбили с ног, сковали наручниками и начали молотить ногами с матерной бранью – от изумления нахлебалась воды из лужи. Били её нешуточно. Раза три она порывалась крикнуть: «Я лейтенант районной прокуратуры!», но от ударов её дыхание всякий раз пресекалось, и она лишь хрипела, пуская ртом кровавые пузыри. Самая жестокая боль досталась запястьям, поскольку руки были скованы за спиной. Наконец, пинки прекратились. Вспыхнул фонарик. Раздался возглас:

– Ого! Она – лейтенант!

– Реально! Ой, блин!

Её расковали, перевернули, подняли на ноги чуть нежнее, чем сбили с них. Не дали упасть, когда начала валиться.

– Да убери свой фонарь! – вскричала она, яростно размазав по лицу грязь. Тонкий луч фонарика отклонился. Выплюнув кровь, Кременцова вынула ксиву. Два небритых сержанта, стоявшие перед ней, отчаянно извинялись. От одного несло водкой, а от другого – портвейном. Кто-то из них совал ей её «Макаров».

– Вы уж простите! Мы ведь реально не видели! Сидим, слышим – выстрелы. Выбегаем, смотрим – женщина с пистолетом!

Взяв пистолет, Кременцова тихо и деревянно спросила:

– Куда она побежала?

– Кто?

– Женщина с пистолетом!

Сержанты были удивлены.

– Так это же вы и есть...

Скорчив злую рожу, что не потребовало усилия, Кременцова приблизилась к трём контейнерам, заглянула в каждый, потом обследовала пространство позади них, до кирпичной стенки, и, выпрямившись, стремительно захромала в тёмную глубину дворов. Сержанты, забыв про дождь, смотрели ей вслед, пока она не исчезла.

– Вот это да! – промолвил один. А его напарник прибавил:

– Выходит, ширяться лучше, чем квасить! Запаха – никакого, а толку больше.

И оба стража порядка, ёжась от холода, поспешили в свой райотдел.

Был уже двенадцатый час. Кременцова шла по тихим дворам, разбивая пальцы одеревеневших ног о выщербины асфальта, залитые водой. Вместе с дождём по её лицу и ноющему, покрытому синяками телу струился пот. У неё был жар – тяжёлый, полубредовый. Она звала на помощь все свои силы, чтоб не упасть и не потерять среди наваждений главную мысль всей жизни: рыжая не могла бежать к Шестнадцатой Парковой напрямик, по светлой дороге – эти два идиота заметили бы её. Значит, она – здесь, во дворах, и точно плутает: в спальном московском микрорайоне дождливой ночью и чёрт заблудится. Дома – длинные, одинаковые, дворы – с сотнями закоулков, на один двор – два-три фонаря, а надо бы сорок!

Нельзя сказать, что бедная Кременцова совсем сдурела. Нет, она понимала краем сознания, что её мучения ни к каким результатам, кроме плачевных, не приведут, однако решила лучше добежаться до гангрены, чем разбить лоб о стену, что она много раз в своей жизни пыталась сделать по куда более мелким поводам. Всякий раз её находили возле стены без памяти, всю в крови, но всё-таки с целым лбом. Теперь же – после того, как она в течение трёх часов трижды упустила маньячку, ей оставалось либо с разбега штурмануть стену, либо лишиться хотя бы одной ноги, чтоб разбег не вышел. А для чего ей так много ног, если от них толку так мало – что в профессиональной сфере, что в личной?

Так рассуждала скользким, туманным краешком, а порой даже уголком своего сознания Кременцова, идя вдоль длинных многоэтажек, разглядывавших её тысячами жёлтых и чёрных глаз. Основной-то частью сознания она всё ещё рассчитывала поймать маньячку и отметить её как следует – лихо взмахивала руками, взбрыкивала ногами: вот так вот, дескать, будет метелить, вот так, вот так, да ещё вот так, с разворота! Но когда за углом показалась улица – вероятно, одна из Парковых, обе части сознания притупились. Пропал запал и ноги лишаться, и голову разбивать, и метелить рыжую суку. Ноги уже совсем не держали, перед глазами всё расплывалось и оседало в какое-то сумеречное болото. Сев на бордюр между тротуаром и полосами транспортного движения, лейтенант Кременцова горько заплакала.

Дождь всё лил. Ни прохожих, ни машин не было. Лужа, в которую Кременцова поставила перевязанную ступню, замутилась кровью. Через минуту вдруг показалась одна машина – красный «Жигуль». Он затормозил перед Кременцовой. Открылась правая дверь.

– Мадам, вам куда?

Голос, несомненно, принадлежал уроженцу южной республики. Кременцова назвала адрес, не утаив и номер квартиры.

– Окей, садись!

Держа пистолет под кителем, Кременцова кое-как встала и забралась в машину. Та резко тронулась и рывками набрала скорость.

– Где туфли-то потеряла? – спросил водитель, толстяк с чёрными усищами. Кременцова молчала. Она была на грани потери пульса.

– А чем ты будешь со мной расплачиваться? – не унимался джигит.

– Чего?

– Я спрашиваю, резинка у тебя есть?

– Нет. Есть только железка, – ответила Кременцова, вытащив из-под кителя пистолет. Больше у джигита вопросов не было. Он весь путь промолчал. Гнал быстро. За полчаса долетели. Опять выходя под дождь, который усилился, лейтенант Кременцова всё же дала отшитому кавалеру двести рублей, так как он любезно приткнул «Жигуль» вплотную к подъезду. Больше у неё с собой не было.

Три ступеньки перед подъездной дверью и пять ступенек до лифта отняли у Кременцовой последний остаток сил. Она жила на шестом. Лифт, к счастью, стоял на первом. Войдя в квартиру, точнее – упав в неё, Кременцова сразу, в прихожей, сняла с себя абсолютно всё, включая повязку. В тепле, без мокрой одежды, ей стало легче. Чувствуя слабую тошноту, она поднялась, зажгла везде свет, и, сев в большой комнате на диван, осмотрела ногу. Ступня распухла и покраснела. Её пронзала дёргающая боль. Во всём теле была ужасная ломота и вялость, что говорило, видимо, о высокой температуре. Выпив из бутылки пятьдесят грамм коньяку, Кременцова быстро ополоснулась под душем, приковыляла обратно в комнату, улеглась, взяв трубку радиотелефона, и набрала ноль три. Вызов принял. Это заняло минут десять. Потом она позвонила Инне Сергеевне Карнауховой, на домашний.

– Слушаю вас, – ответила заместитель районного прокурора.

– Инна Сергеевна, – пискнула Кременцова предсмертным голосом, – вы меня узнаете?

– Юлька? Ты где?

– Я дома! Инна Сергеевна, у меня нога вся синяя и чернеет! Температура – сорок! Что делать?

– Срочно вызывать Скорую! – с громким привизгом отчеканила Карнаухова, – Срочно! Ясно?

– Так точно. Вы мне только скажите, Инна Сергеевна, с Хусаиновым что?

– Он ранен.

В голосе Карнауховой прозвучало что-то чужое, странное, незнакомое.

– Ранен? Сильно?

– Не беспокойся, слегка. Однако, в больнице ему побыть пару дней придётся. И тебе – тоже. Юлька, ты меня слышишь? Если завтра окажется, что ты дома, а не в больнице – уволю! Сразу! По тридцать первой! Вопросы есть?

– Никак нет.

– Очень хорошо. Набирай ноль три. Через полчаса я узнаю номер больницы, в которую тебя взяли. Так что, без фокусов! Всё, давай.

С этими словами Инна Сергеевна положила трубку. Бросив свою, Кременцова встала, приблизилась к секретеру, вынула из него английские сигареты и закурила. Никотин вызвал у неё несильные спазмы в лёгких, однако если бы от него даже начались родовые схватки, английская сигарета брошена не была бы. Достав из шкафа комплект белья, футболку, джинсы и кофточку, Кременцова оделась. Потом она сходила в прихожую, где лежал пистолет, упрятала его в сейф и начала сборы. Нога у неё почти не кровоточила, хотя болела ещё сильнее, чем сорок минут назад.

Часы на дисплее видеомонитора высвечивали час сорок. Когда спортивная сумка была до треска набита книгами, парфюмерией и вещами, прибыла Скорая. Этим грозным словом назвалась шуплая, заспанная девчонка лет двадцати, в зелёных штанах и того же цвета косоворотке с красным крестом на спине. Велев Кременцовой лечь, она осмотрела её ступню, пощупала пальцы. Заспанные глаза выражали вялую озадаченность.

– Больно?

– Да! Ещё как!

– Это хорошо. Диабета нет?

– Диабета? Нет.

– Это хорошо. А когда поранилась?

– Часов шесть назад.

– Это плохо, – без всякого огорчения заявила девчонка, и, наклонившись, открыла свой саквояж, – укол тебе буду делать. Штаны спускай.

Испуганно лёжа с голыми ягодицами, Кременцова следила, как медработница наполняет шприц.

– А что это за укол?

– Анальгин, жар снять.

Небрежно протерев спиртом правое Кременцовское полупопие, девушка со шлепком всадила в него иглу. Кременцова пискнула.

– Не ори, – сказала девчонка, давя на поршень, – не больно.

Выдернув шприц, стервозно отбарабанила:

– Госпитализация, срочно. В противном случае...

Провела ноготком по складке между уколотым полупопием и бедром.

– Отрежут до задницы. Поняла? Или повторить?

– В какую больницу? – спросила сдавленным голосом Кременцова, натянув джинсы и трусики.

– А сейчас найдём какую-нибудь!

Усевшись за стол, девчонка раскрыла лежавший на нём кременцовский паспорт и подняла с ковра телефон. Зевая, набрала номер.

– Алло, алло! Женщина. Москвичка. Двадцать пять лет. Пять открытых ран на стопе. Кременцова Юлия Александровна. Воспаление. Тридцать девять и пять.

Минуту ждала.

– Спасибо.

Положив трубку, девчонка опять зевнула и поглядела на Кременцову, вставшую покурить.

– Шестьдесят восьмая.

– А где она?

– В Люблино. Ты куда вскочила-то без повязки? Сядь, ненормальная!

Кременцова молча плюхнулась в кресло. Вынув из саквояжа бинт и присев на корточки, фельдшерница перевязала ей ногу.

– Тапки надень.

Кременцова встала, надела тапки. Потом взяла одной рукой сумку, другой – гитару.

– Куда гитару-то с собой прёшь? – опять разозлилась мелкая, – Одурела с жару?

– А что я там буду делать? – вошла во гнев Кременцова, – ... чесать?

– Тоже верно. А ну, давай-ка её сюда!

Так они и вышли: девчонка-фельдшер – с гитарой и саквояжем, а Кременцова – с сумкой.

– В лужи не наступай!

Дождя уже не было. Запихнув пациентку с её вещами в заднюю часть машины, девчонка села рядом с водителем. Повернулась.

– Хочешь – сиди, а хочешь – лежи. Но лучше лежи. Тебя не тошнит?

– Да нет, – отозвалась Юля, скрючиваясь на жёсткой лежанке.

– Если вдруг затошнит, под креслом – пакет.

– Окей.

Буквально через минуту после того, как машина тронулась, Кременцова крепко уснула. Приснился ей Алексей Григорьевич Хусаинов. Он что-то ей говорил, шагая из угла в угол какой-то комнаты, а она, слушая его, сидела на стуле в центре этого помещения и качала ногой, закинутой на другую ногу. За широко открытым окном сияло яркое солнце. Сияло так, что было больно глазам, даже отведённым, даже закрытым, и адски жарко. У Кременцовой, что называется, мозги плавилась. Она честно, изо всех сил пыталась понять, что ей говорит Хусаинов, но не могла. А он говорил взволнованно, громко, страстно, чуть ли не со слезами. Ни на одну секунду не умолкал.

Когда проезжали, включив сирену, Текстильщики, где в столь позднее время было немало транспорта, Кременцова проснулась. Её подташнивало. Однако, пакет она брать не стала, просто перевернулась на другой бок. Тошнота прошла, и опять сознание захлебнулось тяжёлым бредом. На этот раз её, не способную шевельнуть ни одной конечностью, для чего-то куда-то поволокли по острым камням. К счастью, это длилось недолго.

– Юлька, приехали! Просыпайся!

– А?

Кременцова дёрнулась, рывком села и заморгала. Было темно.

– Я сейчас... Сейчас...

Глаза стали привыкать к темноте. Машина стояла перед торцевой двустворчатой дверью длинного корпуса. Рядом с ней курили трое охранников, вдалеке виднелись ещё какие-то корпуса.

– Да ты у меня чего-то совсем расклеилась, Юлия Александровна, – с беспокойством заметила юная медработница, помогая своей трясущейся подопечной выбраться из машины, – иди-то сможешь?

– Да, ничего! Понеси гитару.

За дверью, слева, был холл с кушетками, справа – регистратура. Дальше тянулся лишь кое-где освещённый жёлтыми лампами коридор длиной во весь корпус.

– Гнойное воспаление, – доложила девчонка, остановившись перед окошком регистратуры.

– Четвёртый, – бросила ей другая девчонка, чем-то похожая на неё. Она пила кофе с двумя коллегами.

Дверь четвёртого кабинета была открыта, и это не удивляло – кроме стола, кушетки и стула, в нём не было ничего.

– Ну всё, жди врача, – сказала работница Скорой помощи, разместив Кременцову с её пожитками на кушетке, – надеюсь, всё обойдётся, и долго не пролежишь. Насколько я знаю, здесь почти все хирурги очень хорошие. Не грусти.

– Спасибо тебе, – промямлила Кременцова и протянула ей руку. Девчонка звонко хлопнула по её ладони ладонью и убежала. Без неё Юля всё-таки загрустила. Но через пять минут пришёл врач – худой, невысокий, с густой седой шевелюрой, столь же седыми усами и нагловатыми глазками. Положив на стол бланк истории, он присел, достал авторучку и сказал:

– Здравствуйте.

– Добрый вечер, – ответила Кременцова. Врач улыбнулся, скользнув по ней быстрым взглядом.

– Скорее, доброе утро. Пожалуйста, назовите вашу фамилию, имя, отчество, год, число и место рождения.

Кременцова всё назвала. Врач всё записал.

– Покажите ногу.

– На ней повязка!

– Снимите её, пожалуйста.

Кременцова не без труда размотала бинт. Взглянув на ступню, врач начал какую-то писанину.

– Лекарства все переносите?

– Вроде, да.

– А температура какая?

– Не измеряла. Но у меня, по-моему, жар.

– Когда произошла травма? И при каких обстоятельствах?

Получив ответ, врач минуты три скрипел авторучкой. Потом сказал:

– Звонила ваша начальница.

– Карнаухова? – удивлённо спросила Юлия.

– Кажется, да. Она попросила положить вас отдельно.

– Да ну! Зачем?

– Я тоже уверен, незачем. Да у нас, если честно, даже возможности такой нет. Палаты забиты. Только в двухместной лежит одна хорошая девушка, ваших лет. Хотите туда?

– Конечно!

Врач встал, вручил Кременцовой её историю.

– Первый корпус, шестой этаж. Четвёртая хирургия. Палату вам дежурная медсестра укажет. До корпуса вас сейчас довезут.

– Скажите, а ногу точно не ампутируют?

Врач отчаянно замахал руками.

– С ума сошли! Зачем такое сокровище отрезать? Поколем, покапаем, и через недельку прогоним!

– Спасибо вам.

Не успел врач выйти, вошёл охранник. Он взял гитару и сумку.

– Пойдёмте, Юлия Александровна.

Прямо за порогом ждала машина с красным крестом. На ней Кременцову доставили в первый корпус. Лифтёр был пьян.

– Молоденькая такая! Чем заболела-то?

– Отдыхай, не зоофилией.

Дежурная медсестра прямо на посту сделала измученной Кременцовой хорошую перевязку и проводила её в палату. Там горел свет. На одной из двух стальных коек лежала с книжкой блондинка – действительно, молодая, рослая и красивая. На ней был больничный халат. Одна из её длинных и стройных ног была перевязана точно так же, как нога Кременцовой. Скользя по новой соседке высокомерным, пристальным, поверх книжки, взглядом, блондинка молча перелистнула страничку.

– Юлия, – представилась Кременцова, сев на кровать и ногой задвинув под неё сумку. Гитару она приставила к стулу.

– Аня, – отозвалась блондинка, не отрывая взгляда от книжки.

– Чем ты болеешь?

– Да много чем.

Тон ответа был столь же красноречивым, как его суть. Кременцова, встав, сняла джинсы, кофту и аккуратно повесила их на дверцу облезлой тумбочки.

– Может, выключим свет? Спать хочется.

– Выключай.

Сказав так, блондинка закрыла книжку, и, отложив её, забралась под тонкое одеяло. Четыре метра до выключателя показались Юле, уже настроившейся свалиться и отрубиться, крестным путём. Идя в темноте назад, она заплутала. Анька, поднявшись, молча направила её к койке и вновь легла на свою. Кровать была очень жёсткая и скрипучая. Кременцова мучилась целый час, пытаясь уснуть. Соседка во сне сопела. По коридору ежеминутно бегали с галдежом

медсёстры. Кто-то где-то стонал – очень далеко, палат за пять-шесть. Из-за этих стенаний Юле, когда она, наконец, уснула, приснилась камера пыток.

Глава седьмая

В шесть часов утра вспыхнул свет. Вырвавшись из пыточной камеры, Кременцова увидела медсестру в узеньких очках, с не менее злым, чем у палача, взглядом. Она совала ей градусник.

– На, измерь-ка температуру! Потом пойдёшь на укол.

– На укол? Куда?

– В процедурный.

Не предложив измерить температуру Аньке, очкастая унеслась. Анька неподвижно лежала под одеялом, глядя на потолок широко открытыми, очень редко мигающими глазами. Её слегка горбоносый профиль напоминал Луизу де Лавальер, какой Кременцова видела её в книге, на иллюстрации. В коридоре царила дикая суета – бегали, орали, ругались, что-то возили на громко лязгающих тележках.

– Доброе утро, – сказала Юля, с градусником подмышкой выбравшись из-под тонкого одеяла и свесив с кровати ноги.

– Доброе утро.

Анька была, казалось, более склонна к общению, чем четыре часа назад. Юля Кременцова решила этим воспользоваться. Ей было, по ощущениям, чуть-чуть лучше, и очень сильно хотелось с кем-то поговорить – неважно, о чём.

– А в какое место уколы делают? – полюбопытствовала она, болтая ногами.

– В задницу.

– Чёрт! А больно?

– Смотря кто будет колоть. Илюха – не больно, особенно если перед уколом ему красивые глазки сделаешь и трусы до коленок спустишь, а Светка – так, что за жопу держаться будешь до завтрака.

Кременцову больше встревожила первая часть ответа.

– Илюха – это медбрат?

– Да, типа того. Не бойся, он симпатичный мальчик.

Вошла сестра с блокнотом и авторучкой, забрала градусник.

– Тридцать восемь, моя хорошая.

Быстрым росчерком записала, умчалась.

– Утром всегда пониженная, – сказала Анька, зевая. Затем она потянулась, села, надела мягкие тапки с кроличьими ушами, – ну, что ж, пошли на укол.

Перед процедурным была небольшая очередь – одни женщины, так как процедурный был женским. Отстояв её, Кременцова с Анькой вошли вдвоём. При виде медбрата, который, стоя перед столом, наполнял шприцы, Кременцовой стало не по себе. Проще говоря, у неё слегка затряслись поджилки. Медбрату вряд ли исполнилось даже двадцать. Видимо, это был студент. Аньку предстоящая процедура, казалось, вовсе не волновала. Её надменные голубые глаза светились сарказмом.

– Привет, Илюха, – бодро сказала она, шмыгая слегка заложенным носом, – что такой кислый?

– Доброе утро. Фамилия?

Тон свидетельствовал о том, что Илюха ночью почти не спал и потому нечего к нему лезть с дурацкими разговорами.

– Карташова Анна Владимировна, – представилась Анька таким язвительным тоном, что Кременцовой стало смешно на одну секунду.

– Готовьте руку и попу, – распорядился Илюха, глянув на назначение, – сперва – руку.

Анька бесстрашно вздёрнула кверху рукав халатика. Озорная весёлость с её лица не сходила. Распаковав два тонких шприца, Илюха наполнил их до различной степени инсулином различных видов и сделал ей два укола рядышком. А затем он взял со стола десятикубовый, уже наполненный шприц с длиннющей иглой, при виде которой сердце у Кременцовой заколотилось вдвое быстрее.

– Теперь заголяйте попу, Анна Владимировна.

Досадливо, но опять же не без иронии скривив рот, Анька повернулась носом к стене, расставила ноги, длина которых могла бы вызвать припадок зависти у любой модели, и задрала халат, обнажая белые, чуть-чуть вислые ягодички. Халат она натянула, скомкав его повыше пупка. На попе, с обеих сторон от складки, были заметны следы уколов.

– Анька, а ты чего без трусов сегодня? – внезапно перестал важничать медработник, взяв ватку и намочив её спиртом.

– Чтоб у тебя настроение поднялось, – отозвалась Анька, повернув голову так, что стал виден красивый профиль и правый глаз с наглым выражением, – я ведь к тебе очень хорошо отношусь! А ты меня только по голой заднице хлопаешь. Коли в правую.

Кременцовой никогда прежде не доводилось видеть, как делают укол в попу. Зрелище показалось ей любопытным, поскольку попа принадлежала красивой девушке, а колол симпатичный мальчик. Справился он со своей задачей весьма уверенно – пару раз мазнул ваткой по ягодичке, премило заколыхавшейся, и вонзил иголку коротким, быстрым движением. Тем не менее, обе Анькины ягодички вздрогнули и плотнее прижались одна к другой, а она сама немножко ругнулась матом.

– Задницу надо было расслабить, – сказал Илюха, вводя лекарство, – я ведь тебе каждый раз это повторяю!

По завершении процедуры он тщательно протёр ваткой место укола.

– Можете одеваться, мадемуазель.

– Мерси, – процедила Анька, одёргивая халат. Затем повернулась. Её лицо не было признательным. Кременцова надеялась – она выйдет. Но зря надеялась.

– А как ваша фамилия? – обратился к ней молодой садист.

– Кременцова.

Медбрат нашёл её в списке и сразу взял большой шприц с длинной иглой.

– Попу!

У Кременцовой вспыхнули щёки. Растерянно и неловко вытягивая из пряжки ремень, она поинтересовалась:

– А в руку разве колоть не будете?

– Нет, мадам, вам это не требуется. Живее, живее штаны снимайте!

Приказной тон задел Кременцову больше, чем перспектива смешной школьной экзекуции. Раздражённо встав носом в угол, она спустила трусики с джинсами до колен и задрала кофту.

– Секите!

Анька хихикнула. Юный хам без тени эмоций приблизился к голой заднице Кременцовой и всадил шприц довольно болезненно. Но злобная Кременцова даже не пикнула, не поморщилась.

– Это что за укол? – спросила она, когда хам вводил.

– Спросите у доктора.

– Ты чего сегодня какой-то бешеный? – возмутилась Анька, – мою фамилию, видите ли, забыл, укол сделал так, что я чуть язык от боли не откусила! Юлечка, это антибиотик. Пенициллин. Курс – сорок уколов, по двадцать в каждую половинку.

В палату шли, потирая попу ладонями.

– А он что колел тебе в руку? – спросила Юля.

– Мне? Инсулин. Короткий и длинный.

– А! Значит, ты – диабетик?

– Типа того.

Зашли в туалет. Его состояние ужасало.

– Здесь, вообще, когда-нибудь убирают? – вскричала Юля, кое-как свесив над унитазом больно уколотую часть тела.

– Да, разумеется. Каждый год.

Вернувшись в палату, они умылись, после чего Анька помогла Юле переложить вещи из сумки в тумбочку. Удивилась, что столько книжек. Сама она, как успела Юля заметить, читала лишь одну книгу – «Справочник по служебному, охотничьему и декоративному собаководству». Как только Юля опять легла, чтобы хоть немного поспать, хотя бы до завтрака – прибежала ещё одна медсестра, с пробирками и шприцами.

– Здравствуйте, девочки! Кто здесь у меня Кременцова?

– Я.

Поставив лоток с пробирками на край тумбочки, сестра вынула из кармана жгут и распаковала огромный шприц.

– Кровь из вены. Да ты лежи, лежи, не вставай! Лежи, говорю! Расслабься.

У Кременцовой ноги свело от страха. Но медсестра оказалась попросту чародейкой – зажмуренная больная всё ещё ожидала укола, когда она объявила:

– Сделано! Держи ватку десять минут.

Проводив её восхищённым взглядом, Юля спросила:

– Анька, что им мешает ей поручить обкалывать задницы, а тому идиоту – брать кровь из вен?

Анька, что-то мурлыча себе под нос, сидела за столиком, на котором стояло зеркальце, и подкрашивала ресницы.

– Именно то, что он – идиот. Не попадёт в вену.

– Так значит, надо его уволить к чертям собачьим!

Тут Анька вдруг повернулась.

– Ты где работаешь? Не в милиции?

– Не в милиции, – еле слышно пролепетала Юля, хлопнув ресничками, – а с чего у тебя возникло такое предположение?

– Ну, не знаю, как бы это сказать. Ты вроде не дура, а вроде – дура. Хочешь банан? Ещё два часа до завтрака.

Потрясённая объяснением, Кременцова проигнорировала вопрос. Через два часа, которые девушки провели в молчании, потому что одна спала, а другая красилась и читала, привезли завтрак. Он состоял из овсяной каши, сосисок, какой-то жидкости, не имевшей запаха кофе, однако названной именно этим словом, и двух кусочков белого хлеба с маслом. Анька проглотила всё это без зверского аппетита, но с ровной рожей, а Кременцова кривилась так, будто бы жрала стеклянную крошку.

– Ну и дерьмо! – буркнула она, кое-как доев и рыгнув.

– Ты лучше готовишь? – спросила Анька, взяв у неё тарелку, ложку и кружку, чтобы их вымыть.

– Да! Я картошку варю, яичницу жарю!

– Одна живёшь?

– Да, одна. А ты?

– А я – когда как.

Перебив посуду, Анька начала чистить зубы фирменной щёткой. Вдруг явился Илюха с двумя шприцами.

– Девочки, попы!

Он был как будто чем-то взволнован. Анька, стоявшая с зубной щёткой во рту у раковины, легла, а Юля перевернулась. Обе опять оголили задницы, удивляясь внезапному появлению в их палате Илюхи. Обычно, по словам Аньки, все по любым делам ходили к нему. Втыкая иголку в Аньку, сжимавшей зубами щётку, он произнёс:

– Расслабься, больно не будет.

Юле, которая также вся напряглась и сжала зубами палец, сказал вполголоса:

– Извините, Юлия Александровна, я не знал, что вы – из прокуратуры! Мне только что сообщили.

– Да ничего, – ответила Кременцова, забыв про страх перед болью. Боли и не было – игла будто лишь прикоснулась к коже. Очень аккуратно давя на поршень, медбрат продолжил:

– Если вам вдруг что-нибудь понадобится: укольчик с морфием, клизма – мало ли что, всё может случиться – вы только свистните мне, я мигом!

– Договорились.

Юля грызла кулак, чтоб не рассмеяться.

– Ты каждые два часа будешь приходить?

– Нет. Сегодня я ещё один раз зайду к вам, перед обедом, а завтра у меня выходной.

С этими словами Илюха выдернул шприц.

– Всё, барышни, отдыхайте!

К двери он шёл совсем уж по-идиотски – буквально пяtilся, улыбаясь. Тихо и плотно прикрыл её за собою. Юля и Анька развеселились. Одна при этом так и валялась со спущенными трусами, другая, дочистив зубы, села за столик и начала закалывать волосы. В коридоре было всё больше шума.

– Так значит, ты из прокуратуры? – спросила Анька, выпив стакан воды, чтоб прогнать икоту.

– Я не хотела, чтоб здесь об этом узнали! Но Карнаухова – это моя начальница, позвонила и подняла какой-то ненужный шумер.

– Как так – ненужный? Очень даже полезный. Без него ты бы уже после пяти уколов сесть не смогла, да и всякой дрянью тебя бы пичкали! Ну а так, глядишь, быстро вылечат. И не больно.

– Да чем тут вылечат? Клизмой, что ли? – внезапно распсиховалась Юля, перевернувшись. Анька, сидевшая перед зеркальцем, поглядела на отражение собеседницы.

– Что с тобой?

– Ничего! Ты говоришь – вылечат! А хоть знаешь, что у меня?

– Я знаю, что вылечат. Как же могут не вылечить? У тебя ведь нет диабета и прочей мерзости.

Кременцова молчала. Приступ депрессии навалился на неё страшной, ледяной тяжестью. Непонятно было, чего он так долго ждал. Весь вчерашний день пронёсся перед глазами, как многократно ускоренный цветной фильм. Из глаз закапали слёзы – слёзы тоски, стыда и бесильной злобы. Юля отчётливо поняла: Хусаинов мёртв. Безусловно, мёртв. Иначе и быть не может. Иначе к ней бы уже давно кто-нибудь пришёл.

Анька, видимо, не была любительницей лезть в душу без стука и утешать без спросу. Она следила за Кременцовой, тихонечко пересев опять на кровать. Следила, не отрываясь.

– Анька, ты куришь? – спросила вдруг Кременцова, утерев слёзы и также сев.

– Не курю. Мне нельзя курить.

– Почему?

– Сосуды плохие.

– Что у тебя с ногой?

– На ней – язвы. Уже давно.

– Вылечить не могут?

– Надолго – нет. Они заживают после того, как я здесь прохожу курс капельниц и уколов, потом опять открываются. Диабет. Я сюда ложусь каждые шесть месяцев.

Кременцова шумно вздохнула.

– А я курю. Но с ночи вот не курила. Надо пойти на лестницу, покурить.

– Сходи, покури.

Кременцова встала. Но не успела она достать из тумбочки сигареты, как дверь палаты опять открылась. Вошла высокая медсестра, нос и рот которой были закрыты хирургической маской. Она катила перед собой двухъярусную тележку. На нижнем ярусе стоял таз, наполненный перевязочными отходами, а на верхнем располагались банки с растворами, инструменты, бинты, салфетки.

– К перевязке готовимся! – крикнула медсестра, обращаясь к Юле. Анька уже снимала с ноги повязку.

– А как к ней надо готовиться?

– Молча! Сядь и вытяни ногу. Анька, ты чего морду нарисовала с утра пораньше? На променад собралась?

Анька улыбнулась. Юля повиновалась. Сестра, взяв ножницы, мигом освободила её ступню от повязки. К ранам бинт прикипел четырьмя слоями, но был отодран настолько молниеносно, что Кременцова и не успела ахнуть. Пропитанный кровью бинт уже летел в таз, а она сидела с открытым ртом и перекосившимися глазами, пытаясь вытолкнуть из себя отчаянный визг, чересчур широкий для её горла. Тут вошла женщина – средних лет, судя по глазам. На ней, как и на сестре, была полумаска. Дружески поздоровавшись с Анькой, она обратилась к Юле:

– Здравствуйте, Юлечка. Я – ваш лечащий доктор. Меня зовут Галина Иосифовна.

– Садисты! – вырвалось в этот миг из очень туманных и очень тёмных недр Кременцовой, – садисты! Сволочи! Вам сказали, откуда я? Вам звонили, ... вашу мать? Или не звонили?

– Верочка, в другой раз не экономь перекись, пусть повязка сама отвалится, – обратилась врач к медсестре, поняв, о чём идёт речь. Потом – опять к Юле, – Юлечка, если ваша ножка чувствует боль – вам следует не кричать, а радоваться. Ведь боль – это защитная реакция организма. Раз она есть – значит, организм полон сил и готов бороться с болезнями.

От этих слов Кременцовой сделалось очень стыдно. Она смолчала, но покраснела. Присев перед ней на корточки, Галина Иосифовна взяла её ногу и стала осматривать воспаление. Кременцова стиснула зубы, твёрдо решив молчать, какой бы ужасной ни оказалась на этот раз защитная реакция организма. Но организм вёл себя спокойно, хоть пальцы доктора мяли ногу у самых ранок.

– На гребешок наступили? – спросила врач, отпустив, наконец, ступню пациентки и поднимаясь.

– На гребешок, – подтвердила Юля, – Инна Сергеевна и об этом вам рассказала?

– Анечка, покажи-ка нам свою ножку, – ласково попросила Галина Иосифовна вторую, точнее – первую подопечную. Анька, болтавшая на кровати ногами, подняла правую, на которой прежде была повязка. И Кременцова увидела на её подошве пять ранок, очень похожих на те, какие имела она сама. И место расположения этих ранок было таким же – около свода стопы, существенно ближе к пальцам, чем к пятке.

– Анечка тоже – правда, уже очень давно, в подростковом возрасте, наступила на гребешок, – пояснила доктор, взяв Аньку за ахиллесово сухожилие, чтоб как следует осмотреть её ногу, – но у неё – диабет, поэтому ранки периодически открываются.

– Вы, девчонки, скажите, где гребешки такие валяются, чтобы я туда не ходила, – с усмешкой произнесла свирепая медсестра, сдирая с бинта шуршащую упаковку, – чем их перевязать, Галина Иосифовна?

– Анечке положи сегодня салфетку с йодофероном, а Юлечке – с димиксидом. Надо снять воспаления. Кстати, Юлечка, вы не курите?

– Да, курю.

– Курить надо бросить – по крайней мере, на десять дней, пока ставим капельницы. Одна сигарета вызывает спазмы сосудов на двенадцать часов. А если сосуды будут плохо функционировать – ранки ваши не заживут, поскольку они довольно глубокие. Юля, вы меня слышите?

– Я вас слышу.

– А так у вас ничего, по-моему, тьфу-тьфу-тьфу, там страшного нет. Но полечить следует.

Передав Анькину конечность своей помощнице, которая подошла с салфеткой, чем-то пропитанной, и бинтом, Галина Иосифовна пребродо кивнула Юле и удалилась. Из коридора крикнула:

– Верочка, я – в двенадцатой!

Медсестра ещё перевязывала ступню Кременцовой, когда вошла с двумя капельницами другая – та самая, что брала у Юли кровь на анализ. Завязав бинт на бантик и обменявшись парой весёлых фраз с внутривенщицей, перевязочная сестра звонко покатила свою тележку вслед за врачом. Её сослуживица опять справилась со своей работой блестяще – ни Кременцова, ни Анька даже и не поморщились при введении игл в их вены.

– Долго лежать придётся? – спросила Юля, следя за тем, как по гибкой, прозрачной трубке к её руке течёт физраствор.

– Минут сорок пять.

– Враньё, – проворчала Анька, – час сорок пять!

– Ты лучше заткнись, – шутливо отозвалась медсестра, – не то пролежишь до завтра!

Анька надулась. Медсестра вышла, оставив дверь нараспашку. Задул сквозняк, довольно неслабый. Юля одной рукой кое-как накинула на себя одеяло. Минуты три она думала-гадала, с чего начать разговор. Она вспоминала, чему учил её Алексей Григорьевич, и пыталась понять, кто такая Анька. Выяснить это возможности уже не было – Анька всё понимала, ждала вопросов и также, видимо, выбирала линию поведения, будучи информированной о том, кто такая Юлька. А может быть, и не выбирала, так как смотрела на потолок. Если бы она хотела выиграть время, то притворилась бы спящей. И Кременцова начала так:

– Послушай меня внимательно. Эта тварь убила трёх или четырёх человек, включая, возможно, моего шефа. Я помогала ему раскрывать первое убийство, и это дело висит на мне до сих пор, согласно распоряжению прокурора – так что, считай, что я к тебе обращаюсь официально. Скажи, пожалуйста – кто она? Что ты о ней знаешь?

– Какая тварь? – спокойно спросила Анька. Её спокойствие обнадежило Кременцову. Она решила, что Анька не корчит дуру, а уточняет.

– Худая, длинная, рыжая. Та, которая бросила тебе под ноги гребешок.

– Да всё это относительно.

Кременцова хотела сесть, но вовремя вспомнила, что приколоты.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что никто мне под ноги гребешок не бросал. Он просто лежал на земле, а мне было пятнадцать лет, и я быстро шла, про мальчиков думала. Гребешок! Ты чего, смеёшься? Я бы и крокодила вряд ли увидела, окажись он там!

– Интересно, где это ты так шла босиком, ни на что не глядя?

– По сельской местности.

– По деревне?

– Да.

– Название скажешь?

– Какое ещё название?

– Ну, деревни этой.

– Деревни?

– Да.

– Извини, я всё перепутала. По Москве я шла. По Новосовихинскому шоссе. Сломался каблук, и я сняла туфли. Устраивает тебя такой вариант?

– Устраивает. Скажи, к тебе кто-нибудь приходит?

Анька зашевелилась и повернула голову. Её взгляд потряс Кременцову. Не испугал – потряс.

– Да, приходит мама. Но если ты её...

Кременцова с яростью перебила:

– Не я её, а ею займётся следователь по особо важным делам, который раскручивал на допросах бывших верховных судей и уголовных авторитетов! Мой шеф – Алексей Григорьевич Хусаинов, которого я любила немногим меньше, чем ты свою маму любишь, был его другом! Близким, проверенным, закадычным другом! Поняла, сука? Ты поняла меня? Или нет?

– Заткнись, – по-прежнему тихо, но как-то сдавленно попросила Анька, – пожалуйста, не ори. Мне нужно подумать.

– Долго ты будешь думать?

– Нет.

Пока Анька думала, Кременцова присматривалась к врачам, медсёстрам и посетителям, проходившим по коридору мимо палаты. Промчалась и внутривенщица, поглядевшая без снижения скорости, всё ли хорошо с капельницами. Теперь Юле стало понятно, зачем она оставила дверь распахнутой.

– Моя мама скажет вам только, где я три раза провела лето, когда ещё была школьницей, – прозвучал сквозь грохот каталки тихий, задумчивый Анькин голос, – она не знает даже о том, что я где-то когда-то проткнула ногу. Она считает, что эти язвы возникли сами собой, на почве болезни.

– Тогда чего ж ты так испугалась?

– Я не хочу, чтобы ты рассказала маме о том, что ей знать не нужно. Она – больной человек. И очень несчастный. Она и так знает про меня слишком много.

– Вот это мне непонятно.

– Что непонятно?

– Мне непонятно, как мама может знать слишком много. Если бы у меня ещё была мама, она бы знала про меня всё! Абсолютно всё.

На дрогнувшем голосе Кременцовой Анька и сорвалась, хотя перед тем с трудом, но всё-таки устояла против её бешеного напора. И ещё как сорвалась! Если бы вскочила, выдернув из руки иглу, да с визгом полезла драться – было бы ничего. Но нет – она звонко, как-то уж очень звонко, хотя и тихо, проговорила:

– А если бы у меня были деньги на препараты, которые сейчас льются по этой трубочке, моя мама тоже бы знала про меня абсолютно всё. А так, если будет знать, либо ей – кремация, либо мне – ампутация! И не надо тут на меня давить! Мне уже давно терять нечего, кроме мамы. Хочешь отнять её у меня? Ну, давай, вперёд! Я знаю, это возможно – читала книжки про Сталина и фашистов. Но только ты...

– Молчи, идиотка! – взвизгнула Кременцова. Чуть помолчав, прибавила:

– Тоже мне, нашлась Сонечка Мармеладова! Сука, ...!

Ей вдруг захотелось вырвать иглу из вены и звать на помощь. Ну а откуда ещё мог взяться вдруг заструившийся по её кровеносной системе яд, если не из этой чёртовой капельницы? Откуда? Зависть не может быть такой жгучей, такой пронзительной! Или может? Разве она, идя по Охотному и Тверской мимо них – таких, как вот эта, не ощущала её почти столь же остро, эту подлую зависть к тем, кому секс приносит лишь деньги и ничего, кроме денег? Но чёрт

возьми! Как можно завидовать этой девочке, по ночам читающей о собаках, а днём глядящей на всё без всякого выражения!

- Ты работаешь на Тверской?
- Не только.
- Но как же так? Ведь нельзя тебе!
- Нельзя мне без этого.

Анька тронула рукой трубочку. Кременцова почувствовала физическую, реальную боль. Притом непонятно было, где именно.

- Дорогие такие, да?
- Дорогие.
- А ты работу найти не пробовала?
- С неполным средним и инвалидностью не берут никуда.

Искусная внутривенщица, пробежавшая в ту секунду мимо палаты, внезапно резко остановилась и завернула в неё.

- Это что такое? Что тут за безобразия? Это кто у меня здесь плачет?
- Взглянув на Аньку, Юля, точно, увидела на её щеке ручеёк, стекавший в подушку.
- Тебе что, плохо? – крикнула медсестра, схватив Аньку за руку.
- Нет, не плохо. Просто что-то взгрустнулось.
- Я тебе погрешу, зараза такая! Взгрустнулось ей! Ишь, расплакалась!

Через полмгновения медсестры уже след простыл. Анька тихо-тихо сопела.

– Прости меня, – попросила Юля, глядя на потолок с облупленной штукатуркой, – я была неправа.

- Ты была права. Так что, слушай.

И Анька за пять минут рассказала всё – и о том, как она одиннадцать лет назад пропорола ногу около дома мёртвой старухи, после чего лишилась сознания и очнулась с целой ногой, и о том, как Петьку однажды утром нашли растерзанным не то волком, не то собакой, и, наконец, о том, как Маринка вечером того дня принесла ей, Аньке, икону с изображением рыжей женщины, взятую этой самой Маринкой ночью в том самом доме.

- А для чего Маринка ночью пошла в тот дом? – удивилась Юля.
- Так днём Маринка и Петька следили за этой женщиной, потому что та на её, Маринки, глазах превратилась в женщину из собаки! Я тебе просто передаю, что слышала.
- Ясно. дальше.

– Во время слежки Петька каким-то образом засветился. Рыжая тётка подозвала его, приласкала и повела в чёртов дом. А ночью Маринка, лёжа в постели, услышала Петькин крик: «Маринка, Маринка!» Она вскочила и побежала Петьку спасать. Понятия не имею, что она там, в том доме увидела, кроме этой иконы. Когда я стала её пытаться об этом – упёрлась. Но вряд ли там Петька был, потому что утром его нашли за три километра от того дома, в поле, уже остывшего.

- А с иконой-то вы что сделали?

– Понесли её в поле, чтоб там спалить. Бутылку бензина взяли с собой и спички. Было уже темно. Положили мы эту бабу – в смысле, икону, на большой камень, вынула я из бутылки пробку, и тут вдруг – крик! Да такой, что я и Маринка буквально сели на жопы. Потом мы обе вскочили, и – понеслись. Надо было видеть, как мы бежали! В деревне только остановились. На другой день у меня внезапно открылись ранки от гребешка, хотя с того дня, как я им поранилась, год прошёл. И весь этот год нога была невредимая. Тем не менее, я пошла потом с Маринкой взглянуть, лежит ли икона там, где мы её бросили. Оказалось, что не лежит. Исчезла бесследно.

- А кто кричал-то? Ты видела?

– Нет, не видела. Но могу сказать точно, что крик раздался у нас под носом. Со всех сторон на два километра был ровный, скошенный луг. Заливной, около реки. У тебя, случайно, руку не щиплет?

– Нет, – встревожилась Кременцова, – а что такое?

– Медленно стало капать. Рядом с твоей рукой – регулятор. Подрегулируй, а то до вечера пролежишь.

Ускорив поток раствора, Юля спросила:

– А где Маринка сейчас? Что с ней?

– Понятия не имею. Я ведь не видела её с того лета.

– А ты фамилию её знаешь?

– Знаю. Лазуткина. Лазуткина Марина Сергеевна. Родилась пятнадцатого апреля шестьдесят девятого года.

– А где, где, где родилась? – встрепенулась Юля. Анька задумалась.

– Если я ничего не путаю, в Люберцах. Ну, по крайней мере, жила она тогда в Люберцах.

– Ага, ясно. А ты не знаешь, где здесь находится телефон?

– На лестнице, на втором. Но тебе, я думаю, разрешат позвонить и из ординаторской.

Кременцова мысленно согласилась с этим предположением.

– Я не удивлюсь, если ты найдешь её в психбольнице, – продолжила, с полминуты помолчав, Анька, – она конкретно рёхнутая была.

– Зачем же ты согласилась жечь с ней икону?

– А ты бы в пятнадцать лет отказалась, если б тебе предложили что-нибудь сжечь?

Юля не успела ответить, так как вошла Галина Иосифовна – без маски. Лицо у неё оказалось весьма приятным. Подойдя к Кременцовой, Она потрогала её лоб, пощупала пульс, затем сообщила:

– Юля, звонила ваша начальница. Она меня попросила обследовать вас как можно более тщательно. Вы не против?

– Нет, я не против, – пробормотала Юля. В душе она была сильно против, но не смогла на сколько-нибудь вменяемом уровне сформулировать возражение.

– Хорошо. Тогда воздержитесь в час от обеда, а к трем часам спуститесь с историей на второй этаж, в кабинет номер двадцать шесть. Там вам проведут УЗИ почек и брюшной полости. После этого пообедайте. Историю вам принесёт Илюша. Договорились?

– Договорились.

– Отлично. Анечка, всё в порядке?

– Да, всё в порядке.

Пощупав пульс второй пациентки, врач взглянула на капельницы.

– Практически всё. Сейчас вас освободят. Ну а я прощаюсь с вами до завтра, девочки.

Улыбнувшись, вышла.

– Какая ж сука эта Инна Сергеевна! – возмущённо крикнула Кременцова, хлопнув ладонью по одеялу, – ну в каждой бочке затычка! Чего звонит?

– Но никто тебя ведь силком на УЗИ не тянет, – сказала Анька.

– Силком-то нет! Но если я вдруг потом возьму больничный – хоть через двадцать пять лет, хоть из-за ангины – она ж меня доконает! Будет пилить – вот я, мол, тебе тогда говорила, что нужно было обследоваться!

Пришла внутривенщица, разозлённая чем-то. Без единого звука она сняла и унесла капельницы. Кременцова с Анькой отправились в туалет. На обратном пути они зашли в процедурный, заметив перед ним очередь на уколы. Колол всё тот же Илюха. Бережно разбираясь с Анькиной задницей, он сказал Кременцовой, спускавшей джинсы:

– Юлия Александровна, через десять минут загляните в клизменную.

– Чего? – переполошилась Юля, – в какую клизменную? Зачем?

– Вам поставят клизму, согласно правилам.

Голопопая Анька противным возгласом выразила сочувствие. Кременцовские уши вспыхнули.

– Клизму? Мне?

– Галина Иосифовна назначила вам УЗИ брюшной полости?

– Да, назначила.

– В таком случае, вам от клизмы не отвертеться. Это – обязательная процедура перед УЗИ.

Когда вернулись в палату, Анька сказала Юле:

– Я видела у тебя халатик. Ты лучше штаны с трусами сними, а его надень.

– Почему?

– Потому, что до туалета от клизменной через весь коридор бежать. А если не добежишь, то штаны с трусами придётся выкинуть. Здесь стиральной машины нет.

– Твою мать!

Поспешно переодевшись, Юля с нетерпеливой руганью откопала в тумбочке косметичку, и, сев за стол, с помощью теней придала глазам величаво-хищное выражение.

– Да ты к клизме готовишься, как к свиданию, – усмехнулась Анька.

– Не вижу никакой разницы.

– То есть, как? Тебя ведь клизмит не Илюха будет, а медсестра!

– Не вижу никакой разницы, – повторила Юля. Стараясь всё делать быстро, она нанесла на лицо тональник, припудрилась, провела по губам помадой и поднялась. Анька оглядела её и неодобрительно помахала чёлкой.

– Нет, не пойдёт. Для Илюхи это было бы то, что надо, а для Эльвиры, которая клизмы ставит, слишком уж вызывающе. Она может тебя с собой перепутать.

– Так она – хищница?

– Да. Тигрица.

Но Кременцова образ менять не стала. Оставив Аньку скучать в палате, пошла.

Клизменная, точно, располагалась в дальнем от санузла конце коридора. Возле неё на кушетке сидела девушка с наглыми голубыми глазами, бледным лицом и короткой стрижкой. На ней был также халат.

– Ты очереди на клизму ждёшь? – сходу обратилась к ней Юля.

– Да.

Кременцова села рядом с девчонкой. Та, видно было, чувствовала себя не очень комфортно – сидела то на одной половинке попы, то на другой, и ругалась шёпотом. Вдруг спросила, косо взглянув на Юлю:

– Ты с чем лежишь?

– Проколола ногу. А ты?

– Меня положили на операцию. Очень сложная операция на прямой кишке. Завтра утром будет, поэтому целый день сегодня клизмят.

– Что с тобой случилось?

Девчонка заколебалась, медля с ответом.

– Ну, понимаешь... ну, как бы это сказать... меня изнасиловали.

– О, боже! – с лютой тоской воскликнула Юля, – да сколько вас ещё здесь?

– Это в каком смысле? – не поняла девчонка. Но разговор на этом прервался, так как дверь клизменной распахнулась, и в коридор рысцой выбежала весьма красивая дама лет сорока, в голубой пижаме. Зачем-то пристально поглядев на двух ожидающих, она ринулась к туалету, да с такой скоростью, что шагавшие ей навстречу два врача в масках еле успели посторониться.

– Надо идти, – со вздохом промолвила кременцовская собеседница, поднимаясь. Приоткрыв дверь, спросила:

– Эльвира, можно к тебе?

Ответили утвердительно. Через три минуты девчонка выскочила с расширенными глазами, одной рукой одёргивая халат, а в другой держа оба своих тапка. Сверкая пятками, она бросилась вслед за дамой. Нужно было идти. Юля поднялась и вошла без стука.

– Вы – из прокуратуры? – спросила тонкая, смуглая медсестра с татарским разрезом глаз, – Кременцова?

– Да.

Небрежно кивнув, медсестра достала из шкафчика пузырёк с вазелином и стала смазывать наконечник огромной шланговой клизмы, лежавшей на алюминиевом столе среди других клизм. Кременцова молча за ней следила, чувствуя себя странно.

– Юлия Александровна, оголяйте попу, ложитесь на левый бок, прижимайте ноги коленками к животу.

Напротив стола стояла кушетка. Юля расположилась на ней согласно распоряжению, предварительно скинув шлёпанцы, хоть её об этом и не просили. Эльвира сзади к ней подошла с орудием пытки.

– Правой рукой поднимите правую ягодицу, Юлия Александровна!

Лейтенант Кременцова выполнила и этот приказ.

– Очень хорошо. Теперь уберите руку. Расслабьтесь, думайте о приятном.

– Хватит меня на Вы называть! – психанула Юля, – клизму в задницу вставила, и раскланивается, как фрейлина с королевой!

– Простите... ой, извини, пожалуйста!

Высоко подняв клизму, Эльвира открыла кран. Ей было смешно. Весело вдруг стало и Кременцовой. Она отчаянно грызла пальцы, чтоб не заржать, и громко сопела, чувствуя, как вода разливается по её кишкам холодными волнами.

– Ещё много?

– Примерно литр. Клизма большая. Вторая будет поменьше.

– Что? Ещё одна будет?

– Даже и не одна. Я до трёх часов клизмишь вас буду нещадно, Юлия Александровна! Уж простите. Придётся вам потерпеть.

Действительно, было тяжко. Выдернув шланг, Эльвира внезапно издеванулась:

– Ну, а теперь попробуй-ка, добеги с водичкой до туалета! Это тебе не в прокуратуре из одного кабинета в другой бумажки носить.

– Да иди ты в жопу!

Соскочив на пол, Юля ринулась к коридору, белея плотно сжатыми половинками. Лишь за дверь вспомнила, что халат надо опустить.

– Куда, куда босиком? – смеясь, кричала ей вслед Эльвира, – тапки надень!

Но Юля летела по коридору, слыша лишь ветер в своих ушах. Домчавшись до унитаза, она блаженно на него плюхнулась, и, подняв к потолку хищные, пантерьи глаза, чуть не застонала от наслаждения. Но к нему примешивалась какая-то ядовитая дрянь. Она была вызвана разговором около клизменной. Юля просто не понимала, как можно с таким спокойствием и с улыбкой рассказывать незнакомому человеку о том, что некие твари тебя унизили, да ещё при этом и изувечили! Совершенно не понимала. По туалету была разлита вода – хорошо, что чистая. Вероятно, потёк бачок. Кременцова, конечно, это заметила. Но не сразу.

Идя к палате, она услышала за неплотно прикрытой дверью радостный Анькин голос:

– Она сейчас сидит на горшке. Ей клизму поставили!

– Идиотка, – вздохнула Юля, и, открыв дверь, вошла. Ох, лучше б она этого не делала! Лучше бы она утопилась там, на чём только что сидела, задрвав халат! Посреди палаты стоял

с букетиком хризантем её сослуживец – старший лейтенант Кирилл Бровкин, тридцатилетний красавец. Стоял, смотрел на неё – на босую, красную, разъярённую. А она безмолвно пялилась на него, даже не пытаясь поднять углы сжатых губ. А гадина-Анька, натягивая трусы под халат, блаженно пищала:

– Юлия Александровна, ваши тапки вам принесли! Просили сказать, что вторую клизму вам будет ставить Илюша, так как Эльвире срочно пришлось куда-то уйти.

– Я безумно счастлива! Всё?

– Очень странно, что вас решили перед УЗИ проклизмить, – продолжала Анька, – я такой чести не удостоилась. Впрочем, вы – из прокуратуры! Для вашей задницы пары литров воды никому никогда не жалко.

– Очень смешно, – ответила Кременцова. Подойдя к Бровкину, она молча отобрала у него букет, а затем спросила:

– Вы это мне принесли цветочки, Кирилл Евгеньевич?

– Ну не мне же! – вякнула Анька, натягивая колготки со стрелкой на правой голени, – я и розы-то принимаю только с приплатой, а всякие там нарциссы, лилии, хризантемы сочла бы попросту оскорблением.

Положив хризантемы на подоконник, Юля растерянно огляделась, и, взяв гитару, села с ней на кровать. Начала подстраивать.

– Весело тут у вас, – проговорил Бровкин, сделав шаг к стулу, – присесть позволите?

– Да, но только ко мне спиной, потому что я сейчас буду надевать лифчик!

Анька давала этот ответ уже без халатика. Взяв аккорд, Юля удивлённо отметила в своих мыслях, что после капельницы её соседка переменялась так, будто ей вместе с физраствором вспрыснули возбудитель вредности. Струны звонко зарокотали.

– Как себя чувствуешь? – спросил Бровкин у Юли, сев.

– Да ничего, получше. А ты?

– Ужасно.

Юля бойко играла Гомеса.

– Хусаинов?

– Да. Хусаинов.

Зазвучал Энио Мариконе. Остро почувствовав себя лишней, Анька заодевалась вдвое быстрее. Через минуту на ней были уже туфли, юбка и свитер.

– Куда намылилась? – обратилась к ней Кременцова.

– Да в магазин схожу. Тебе что-нибудь купить?

– Купи мне две банки свиной тушёнки.

– Две банки?

– Да.

Помахивая цветастым пакетом, Анька ушла. Отложив гитару, Юля закрыла лицо руками и тихо-тихо спросила:

– Как?

– Перегрызли горло.

– А эту женщину? Ольгу?

– Ей перерезали.

По рукам Кременцовой струились слёзы. По коридору опять ехала телега. Везли обед.

– Мы нарисовать её сможем? – спросил Кирилл. Кременцова горестно покачала опущенной головой.

– Рост – высокий, фигура – тонкая, волосы – ярко-рыжие, ниже плеч, походка – очень изящная. Вот, пожалуй, и всё, что я разглядела.

– Во что одета была?

– В первый раз – не помню, штанов на ней точно не было. Во второй – штаны, ветровка, бейсболка. Это всё – вещи Ольги?

Кирилл кивнул.

– Она взяла также и пистолет Хусаинова.

– Вот уж это я поняла!

– Она по тебе стреляла?

– Да ещё как! Всю обойму высадила. Болванки валяются у контейнеров, что напротив детского садика.

Дверь открылась. В палату вполз аромат уморённых голодом кур, сваренных в немытом котле.

– Обед, – сухо твякнула, громыхая тарелками и половником, санитарка шириной с дверь и ростом чуть выше уровня раковины.

– Не надо, я не хочу, – отрезала Кременцова. Лицо разносчицы вытянулось, но только не вниз, а в стороны.

– Как не хочешь?

– Так, не хочу.

– А вторая где?

– В магазин пошла. Ей тоже не надо.

– Ишь, раскапризничались! Не надо им! Вот маргышки! – проворчала разносчица и захлопнула дверь так крепко, что на гитаре звякнули струны. Сняв полотенце со спинки койки, Юля утёрла слёзы.

– В квартире на Шестнадцатой Парковой обнаружены те же самые отпечатки, что и в Артемьевской, – сообщил Кирилл, разглядывая свои холёные ногти, – в базе их нет.

– Кирюха, а ты икону отдал экспертам?

– Отдал. Тебе интересно, кстати, где эта Ольга её взяла?

– Ну, не тяни время! Что за манера?

– Её соседи сказали мне, что она обожала ездить в Покровский женский монастырь, к мощам блаженной Матроны.

– На Абельмановку, что ли?

– Да. Я сегодня утром туда смотался и сходу выяснил, что она купила эту хреновину в монастырской иконной лавке, а притащил её туда дьякон, который служит в той самой церкви, где находятся мощи. Дьякон мне объяснил, что ему её преподнесла в дар какая-то бабка. Но он решил не ставить её на иконостас в храме, а извлечь из неё материальную прибыль – конечно, не для себя, а для нужд прихода.

– А объяснил, почему?

Дверь опять открылась. Вбежал Илюха с клизмой – но не с такой, какой истязала Юлю Эльвира, а с грушевидной, литровой. Он очень сильно спешил – поэтому, кажется, даже и не заметил Кирилла.

– Вторая клизма, Юлия Александровна! Но она небольшая, так что вы можете просто встать, попку оголить и нагнуться.

– Выйди отсюда! – крикнула Кременцова, стукнув по полу пяткой, – ты что, не видишь – я занята! Сейчас же исчезни и закрой дверь!

Илюха недоумённо остановился.

– Но Юлия Александровна...

– Пошёл вон! Дурак! Через пять минут придёшь сюда, понял?

Илюха случайно взглянул на Бровкина. Покраснел. Через полсекунды он был уже в коридоре, и дверь палаты была закрыта. Кирилл старательно делал вид, что ему не очень смешно.

– Сучонок, – пробормотала Юля дёргающимся от бешенства ртом, стиснув кулаки до белых суставов. Она жалела, что не швырнула Илюху на пол, не повозила его как следует наглой

мордочкой по следам своих голых ног, до сих пор не высохших после наводнённого туалета. Но её ярость утихла так же внезапно, как разгорелась. Мысли вернулись на продуктивную колею.

– Так он объяснил, почему решил не ставить икону в церкви?

– Объяснил. Ему было непонятно, кто на ней нарисован.

– А у него возникли предположения, кто бы это мог быть?

– Да нет. Он даже считает, что это – и не икона вовсе.

– А что же это такое, по его мнению?

– Он сказал, что один лишь Бог это знает.

– Какого ж чёрта он притащил загадочный, непонятный предмет в иконную лавку, где его продали именно как икону?

– Я ему задал этот вопрос, и даже примерно этими же словами, за что был немедленно подвергнут тому, чему через пять минут подвергнут тебя – с той лишь разницей, что объектом промывки были мозги, а не жопа, как в твоём случае.

– Значит, ты вообще ничего не понял? – с презрением уточнила Юля. Кирилл ответил с досадой:

– Этих людей, если ты не в курсе, по многу лет в семинарии учат говорить так, чтоб никто вообще ничего не понял.

На этот раз Кременцовой крыть уже было нечем. Но она ещё раз презрительно улыбнулась. Затем нахмурилась.

– На иконе точно никого не было, когда ты её отдавал экспертам?

– Да, абсолютно точно. Это была пустая доска в окладе, если не считать контуров православной церкви в правом верхнем углу.

– И тот священник узнал эту деревяшку?

– Да, по окладу и контурам этой церкви. И, кстати, не очень-то удивился тому, что она пустая. Кроме него, её опознали монашки в иконной лавке и поп, начальник этого дьякона.

Из коридора вдруг донеслись женские рыдания. Видимо, кто-то умер. Вновь взяв гитару и тронув пальцами струны, Юля спросила:

– А у тебя записная книжка с собой?

– С собой.

– Запиши, пожалуйста.

Кирилл вынул из пиджака блокнотик и авторучку.

– Что записать?

– Запиши: Лазуткина Марина Сергеевна, родилась пятнадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, в городе Люберцы.

Кирилл быстро всё записал.

– Больше ничего?

– Ничего. Найди мне её.

– Зачем?

– Если я прошу, значит надо.

Убрав блокнотик и авторучку, Кирилл поднялся.

– Ладно, найду. Так у тебя точно всё хорошо?

– Да, всё хорошо.

– Тогда я пойду?

– Иди.

– Тебе привезти что-нибудь?

– Не надо. Соседка – шустрая. И с деньгами.

– А кто она?

– Проститутка.

– Ясно. Ой, кстати, чуть не забыл! Что мне передать Карнауховой?

- Передай горячую благодарность.
- За что?
- За то, что произойдёт через две минуты. Это была её инициатива.
- Ладно. Пока.
- Удачи.

Вскоре после того, как Кирилл ушёл, вернулся Илюха с клизмой. Юля играла танго, держа гитару на оголённом бедре здоровой ноги, закинутой на больную. Холодно поглядев на Илюху, она доиграла такт, и, швырнув гитару на одеяло, тихо спросила:

- Чего тебе ещё надо? Что ты пришёл? Ты мне надоел! Ясно?

Илюха начал сопеть.

- Юля, я – не врач, я человек маленький! Выполняю то, что мне говорят.

– Да пошёл ты на хер! Маленький человек! А я – человек большой! Я – взрослая женщина, офицер правоохранительных органов! Лейтенант! Вот прямо сейчас пойду в ординаторскую, свяжусь с прокурором и попрошу его сделать так, чтоб тебя в течение часа из института отчислили! Хочешь этого?

У Илюхи стали дрожать коленки. Он что-то залепетал, сперва неразборчиво, а затем – твёрдым голосом, сваливая всё на Эльвиру, которая унеслась к подруге на День рождения, а совсем даже не к ребёнку, который вовсе не думал чувствовать себя плохо. Слушать всё это было невыносимо. Кременцова уже хотела вскочить и дать ему по башке, но вернулась Анька, румяная от прогулки. Увидев Илюху с клизмой, она обрадовалась.

- Ого! Отлично! Я вовремя.
- Ты купила тушёнку? – брызнула на неё слюной Кременцова.
- Да.

Достав из пакетика две железные банки с изображением хрюшек, Анька поставила их на тумбочку Юли. На свою выложила два мягких батона, плавленый сыр, две банки икры, растворимый кофе и гроздь бананов. Илюха не уходил, продолжал канючить. Поняв минут через пять, что он не отвяжется, лейтенант Кременцова с матерной бранью встала и приготовилась к процедуре, пообещав порвать его на куски, если он придёт ещё раз. Аньку эта сцена развеселила до крайней степени. Она стала хохотать так, что через секунду в палату очень не вовремя заглянул какой-то молодой доктор. Он тоже весьма обрадовался, хотя и не подал виду.

Вернувшись из туалета, Юля увидела на столе историю. Анька, сидя в халатике на постели, медленно уминала четверть батона, покрытую толстым слоем икры поверх слоя сыра, и запивала эту вкуснятину крепким кофе.

- Жалко, что ты идёшь на УЗИ, – сказала она достаточно внятным голосом, хоть за каждой щекой у неё, казалось, было по целому апельсину, – если бы не УЗИ, пожрали бы вместе!
 - А ты со мной на УЗИ не спустишься? Одной скучно.
 - Ладно, давай спущусь. Но ты подождёшь меня? Я доем. Сейчас только два.
- Пока Анька ела, Юля играла. Анька заслушалась.
- Это что? – спросила она, когда отзвучала первая вещь.
 - «Зелёные рукава». Древняя английская песня. Типа, баллада.
 - А что ещё ты играть умеешь?

Юля стала играть «Шербурские зонтики».

- Эту знаю! – взвизгнула Анька с едва ли меньшим восторгом, чем Архимед вскричал «Эврика!», – это Мишель Легран! Какие-то зонтики! Из кино!
- Ну да, из кино. Грустное кино.
- А ты где училась?
- Да особо нигде, – нагло соврала Кременцова, – купила книжку и выучилась.
- Ого!

Сыграв ещё две мелодии, Кременцова заметила вдруг, что её соседка не только уже давно ничего не ест, но и слушает совершенно точно не музыку, а какие-то свои мысли. Гитара была отложена.

– Всё, пошли на УЗИ.

Возражений не было. Кременцова чувствовала себя неплохо. Нога у неё почти не болела. Анька, напротив, сильно хромала.

– Ты утром-то вроде бегала, – удивлённо сказала Юля, взяв её под руку.

– Значит, было от кого бегать.

– Не поняла. Ты о чём?

Анька ничего объяснять не стала. Лифтёр был пьян. Он молча и с ненавистью тарачил глаза на Аньку – видимо, получал от неё похлеще, чем получил под утро от Кременцовой.

На УЗИ была очередь, человек шесть-семь. Спросив, кто из них последний, две гребешковые жертвы сели на стулья и стали шёпотом обсуждать Илюху. Им было весело. Вскоре дверь кабинета УЗИ открылась. Вышли две женщины – пациентка и медработница. Пациентка заковыляла к лифту, а медработница оглядела очередь и спросила:

– Кто у меня из прокуратуры?

– Я, – смущённо призналась Юля, – но я могу подождать!

– Не надо, входите.

Но Кременцова всё ещё мялась.

– Иди, тебе говорят! – прошипела Анька, спихивая её со стула. Пришлось идти.

– А вы что, не взяли с собой простыночку? – добродушно спросила врач, усаживаясь во вращающееся кресло между кушеткой и монитором с датчиками. Раскрыла историю, – ну, тогда снимите халатик и положите его на эту кушеточку.

– Как ложиться? – спросила Юля, проделав то, что ей было велено и оставшись в одной футболке.

– Сначала, Юлия Александровна, на живот, пожалуйста, лягте. Мы ваши почки проверим.

Лёжа ничком и чувствуя, как по её пояснице, чем-то намазанной, водят датчиком, Кременцова боролась с какой-то странной, липкой, болезненной дремотой, внезапно нахлынувшей на неё. Она не могла понять, с чего вдруг к ней присосалась эта сонная одурь. Температуры у неё не было, ночью часа четыре и утром пару часов она поспала. Куда ещё больше? Однако, глаза слипались. Мозг обволакивало туманом. Может быть, от лекарств, которые ей кололи и капали? Эта версия казалась правдоподобной.

– Перевернитесь, Юлия Александровна.

– А? Чего?

– Пожалуйста, лягте на спину! Поднимите футболку. Ещё, ещё, до груди.

Как следует смазав гелем живот блатной пациентки, врачаха стала водить ультразвуковым датчиком по нему. Теперь Кременцова видела на экране все свои органы и кишки. Зрелище весьма её покорило, но узистка как будто была довольна, поскольку шёпот, срывающийся с её губ, стал бодрым. Прежде он был не то чтобы озабоченным – нет, скорее, задумчивым, очень тихим. Почти неслышным. И тут вдруг Юля всё поняла. Ну конечно, шёпот! Он-то и усыплял её, этот шелест труднопроизносимых терминов, проговариваемых узисткой без смыкания губ – растерянно, машинально, как это часто бывает при очень сильной сосредоточенности. Сейчас он звучал и громче, и веселее, потому спать уже не хотелось.

– У меня что, с почками проблемы? – решила на вопрос Юля.

– С почками? Нет, я бы не сказала. Значительных изменений не наблюдается. А с чего вы взяли? Жалобы есть?

– Да нет. Я даже не знаю, с чего я это взяла. Просто так спросила.

Невнятный шёпот возобновился. Чуть погода прервался вопросом:

– Скажите, вам клизму ставили?

– Целых две!

– Да? Странно. Вот здесь не очень просматривается... Ну, ладно. Там, по всей вероятности, и смотреть-то не на что! Одевайтесь, Юлия Александровна.

Облачившись в халат, Юля ожидала некоторое время, пока узистка заносила в историю результаты исследования. Получив историю, вышла.

– Ну, как? – поинтересовалась Анька, встав ей навстречу.

– Да, так себе. Клизма – круче.

Анька хихикнула. Пошли к лифту.

– Она тебе что-нибудь сказала?

– Нет, вообще ничего. Шептала, шептала! Я прямо чуть не уснула от её шёпота! Голова заболела даже.

– Я знаю, эта узистка всё время шепчет, когда работает! У неё кликуха – Шепчиха. Ну, из-за Шёпота!

Кременцова сердито дёрнула бровью. И вдруг – застыла. Как в пол вросла. На её лице возникло смятение. Анька также остановилась.

– Юлька, ты что? Нога заболела, что ли?

– Как, ты сказала, её прозвали?

– Кого?

– Узистку!

– Шепчиха...

– Шепчиха?

– Да. Юлька, что с тобой? Ты – вся белая!

– Ах ты, господи, боже мой! Конечно, Шепчиха! Ну как я раньше не догадалась! Что за идиотка пустоголовая? Что за дура?

И, звезданув себя обоими кулаками по голове, защищённой, к счастью, густой и спутанной гривой жёстких волос, Юля во весь дух устремила к лифту. Решив, что с таким лицом умные поступки не делают и что мчаться куда-то с такой ногой можно только при окончательном отключении мозга, Анька самоотверженно побежала следом. Но где ей было угнаться за ненормальной! Она рассчитывала схватить её возле лифта, но Кременцова лифт вызывать не стала, а ринулась сломя голову вверх по лестнице – с таким грохотом, будто на её тонких ножках были не шлёпанцы, а армейские сапожищи. Несчастной Аньке такое дело было не по плечу – точнее, не по ноге. Ей пришлось ждать лифта.

Доковыляв до палаты, она, к своему огромному удивлению и восторгу, застала Юлию Александровну не висящей в петле и не вылетающей из окна, а бегающей из угла в угол с раскрытой книжкой в руках. Глаза ненормальной дико горели, длинные пальцы правой руки с длинными ногтями стремительно перелистывали страницы, сминая их. Анька еле-еле успела запрыгнуть на свою койку, чтобы не быть сбитой с ног и тут же раздавленной.

– Ты взбесилась, что ли? – выкрикнула она, тяжело дыша, – что это за книжка?

– Молчи, молчи!

Отыскав нужную страницу, Юля загнула её, чтоб не потерять, и стала искать другую. Найдя, приблизилась к Аньке. Подняла палец.

– Послушай! Вот!

И прочла:

– «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Этим именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чём изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал.»

– Ты что, мне Гоголя собралась читать? – заорала Анька, – в жопу засунь себе эту книжку и отойди от моей кровати!

– Нет, погоди! Вот еще послушай! Один абзац!

С этими словами Юля раскрыла загнутую страницу и прочитала:

– «... и взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успела она немного отворить, как собака кинулась промеж ног её, и – прямо к детской люльке! Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка, да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она её знала – это бы ещё ничего, но вот вещи обстоятельства: она была вся синяя, а глаза горели, как уголь! Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить из него кровь. Шепчиха только закричала : «Ох, лишечко!», да из хаты! Только видит, что в сенях двери заперты. Она – на чердак, и дрожит, глупая баба! А потом видит, что панночка к ней идёт и на чердак. Кинулась на неё и начала глупую бабу кусать! Уже Шептун поутру вытащил свою жинку, всю искусанную и посиневшую. А на другой день и умерла глупая баба!»

– Да ты свихнулась! – вскричала Анька, когда взволнованная до дрожи Юля закрыла книжку, – просто свихнулась! Начисто!

Кременцова с нервной усмешкой бросила Гоголя на свою кровать.

– По сути ответить нечего?

– Кременцова, ты идиотка конченная!

– Я спрашиваю, по сути ответить нечего?

– А где суть? Один шизик выдумал невесть что, а у другой дуры – из-за того, что красивый мальчик ей клизму сделал, мозги из задницы потекли! Вот тебе и суть!

Кременцова, гневно сверкнув глазами и тряхнув гривой, вновь начала измерять шагами длину прохода между кроватями.

– Ты реально считаешь, что эта рыжая тётка с иконы – Гоголевская панночка? – не сводя с неё взгляда, спросила Анька.

– Мужик принёс икону домой, – отрывисто, сухо заговорила Юля, – его жена сказала про неё гадость. Он закричал: «Язык тебе надо вырвать!» Ночью жена – учительница русского языка и литературы, читала Гоголя. Том заложен на «Вие» её окурком – Артемьев курит сигареты без фильтра. Утром он ушёл на работу. Когда вернулся, его жена лежала с оторванным языком. Икона была пустая.

Анька задумалась.

– Так жена, по-твоему, догадалась, кто на иконе?

– Одна старуха, которая жила сверху, слышала, как они ночью скандалили, и хотела дать нам об этом какую-то информацию, – продолжала Юля, – шеф попросил её подождать. Она ждала дома. Когда он стал ей звонить, она не открыла. Другая бабка сказала, что у неё есть ключ от этой квартиры. Я пошла за ключом. Когда шла назад босиком, рыжая швырнула мне под ноги гребешок. Но я доползла и отдала ключ. Открыв дверь, мой шеф обнаружил, что старуха задушена.

– Как?

– Шнурочком.

– А дальше что?

– Мы втроём – я, шеф и водитель, помчались к женщине, которая подарила мужу учительницы икону. Шеф пошёл к ней один. Водитель и я остались в машине, возле подъезда. Минут через двадцать пять вышла рыжая. Я за ней погналась, но не догнала. Всё это случилось сегодня ночью. А час назад Кирилл сообщил мне, что эта тварь перегрызла горло моему шефу, а женщине – перерезала.

– А икону женщина где взяла, интересно? – спросила Анька, отреагировав на ужасный финал рассказа лишь чуть заметным движением угла рта.

– Купила в Покровском женском монастыре. Туда её принесла какая-то старушенция.

Анька долго молчала. Юля не останавливалась. Вошла красивая медсестра в розовых штанах и синей косоворотке. Она держала в руках лоток со шприцами.

– Готовьтесь к уколам, дамы.

Ледяной взгляд красавицы не сулил ничего хорошего. Встав бок о бок, две пациентки рассеянно созерцали жалкий пейзаж за окном. Там вихрем кружились жёлтые листья. Солнце то появлялось, то исчезало за облаками. По подоконнику ошивались голуби. Медсестра уколола больно и ушла молча. Потерев попы, Юля и Анька уселись каждая на свою кровать.

– Да всё это бред, – заявила Анька.

– Что бред?

– Да панночка – бред! Гоголь написал, что это – предание. Значит, сказка.

– У любого предания есть фактическая основа. Я это точно знаю. Вий, предположим, бред. А панночка – вряд ли.

Но скептицизм в глазах Аньки был непоколебим. Она усмехнулась.

– У Хусаинова Гоголь был любимый писатель, – добавила Кременцова, – видимо, он её раскусил.

– Кого? Рыжую?

– Ну конечно!

Дёрнув на себя ящик тумбочки, Анька вынула из него игральные карты и стала их тасовать.

– Да всё это бред!

– Что – бред?

– Да, вообще, всё. Я в сказки не верю.

– А кто ж тогда заорал-то в поле? Почему у тебя вдруг ранки открылись спустя аж год?

– Маринка, паскуда, заверещать могла, чтобы я проссала французские джинсы. Ранки открылись из-за того, что я пробежала пять километров. И, плюс к тому, диабет.

– Да ты просто дура, – холодно бросила Кременцова, – мы с тобой – в одной лодке посреди океана, а ты плюёшь мне в лицо, хотя я тебе ничего плохого не сделала!

– А с какой это поросычьею радости мы с тобой – в одной лодке, да посреди океана? Не понимаю.

– Ты всё, коза, понимаешь! Рыжая убивает всех, кто знает, что она – панночка. А ещё она убивает либо калечит тех, кто идёт к разгадке или распространяет сведения, наводящие на неё. Ты всё это понимаешь. Мы с тобой теперь знаем, кто она – поэтому нам не ссориться надо, а действовать сообща! Иначе – кранты.

– Кранты? – как-то тихо, вяло, безразлично переспросила Анька, взглянув на Юлю. Взгляд её был печальным и удивлённым. Юля молчала. Она ждала продолжения. И не зря ждала. Швырнув карты, Анька с яростным воплем бросилась на неё. Судя по всему, её целью было как минимум расщепить собеседницу на молекулы. Кременцова была и ниже, и тоньше Аньки, но ей понадобилось четыре секунды, чтобы не больно её скрутить, уложить на койку мордочкой вниз, держа за запястье, и крепко шлёпнуть по заднице.

– Уймись, дура!

– Сука! Гадина! Мразь! – захлёбываясь слюной, верещала Анька. После шлепка она не пыталась вырваться, осознав, с кем имеет дело, но материлась и выгрызала пух из подушки долго ещё. Потом успокоилась.

– Пусти, хватит!

– Ты точно всё поняла?

– Да, точно! Пусти!

Тут привезли ужин – чай с молоком, картошку и баклажаны.

– Я не хочу, – прошептала Анька, лёжа ничком. Но Юля взяла две порции. Закрыв дверь, достала консервный нож и зверски всадила его в железную банку с изображением хрюшки. По палате растёкся запах подтаявшего свиного жира.

– Анька, вставай! Смотри, какая тушёнка!

– Я не хочу, – повторила Анька, но уже с раздражением. Было ясно, что она хочет, ещё как хочет, но идиотничает. Открыв тушёнку, Юля сделала то же и с банкой красной икры.

– Вставай, Карташова! Икра тебя тоже ждёт.

– Пускай ждёт! Не буду.

Вывалив половину тушёнки в одну тарелку, а половину – в другую, Юля перемешала её с картошкой. Потом наполнила и включила электрочайник, сделала бутерброды. Потом взяла Аньку за ноги и рванула изо всей силы. Анька также изо всей силы вцепилась в койку. Стальная койка, весившая не меньше ста килограммов, проехала полпалаты. С большим трудом отодрав от неё ревущую Аньку, Юля впихнула её за стол и дала ей ложку.

– Вот, жри! Пока не пожрёшь – не встанешь.

Анька, усиленно кривя рожу, начала есть. Ей стало смешно, и она закашлялась. Кременцова, которая ела рядом, хлопнула её по спине – да так, что чуть не убила. Чайник вскипел. Когда пили кофе, Анька спросила:

– И что же нам теперь делать?

– Вот уж не знаю, – скучно ответила Кременцова. Такой ответ, а главное – тон, Аньку не устроил.

– Как так, не знаешь?

– Вот так – не знаю, и всё.

– Какого ж ты хрена меня подставила, сука рваная?

– Это как я тебя подставила, интересно?

– Да очень просто! Сказала мне, кто она, хотя знала, что это – смертельная информация! Ты ведь знала об этом! Прекрасно знала!

– Нет, я только потом это поняла. Прости.

Допив кофе, Анька вернулась на свою койку и опять стала тасовать карты. Юля осталась сидеть на стуле, опустив руки.

– Значит, схема такая, – сказала она, подумав, – о том, что мы с тобой знаем, ни одному человеку не говорим ни одного слова. Одновременно не спим – ни ночью, ни днём. Я сплю – ты не спишь, ты спишь – я не сплю. Ночью спим со светом. В туалет, в магазин, на уколы, в душ и на процедуры поодиночке не ходим. Только вдвоём.

– Да что это даст? – отмахнулась Анька, – она ведь ведьма! Что мы против неё – хоть вдвоём, хоть с полком охраны?

– Если бы для неё всё было так просто, она бы ночью не бегала от меня, – возразила Юля, – а она бегала, только пятки сверкали! Потом стреляла из-за контейнера – притом так, как можно стрелять лишь левой ногой, страдая тяжёлой степенью косоглазия. Она очень быстро передвигается – видимо, на метле. Она весьма хитрая, но и я не дура. А ты – тем более, если с сахарным диабетом работаешь на панели так, что у тебя юбка стоит дороже моей дублёнки. Сила у неё есть, но ты только что узнала, можно ли со мной справиться одной силой.

– Юленька, а ты кто? Самбистка?

– Нет, дзюдоистка.

– Разрядница?

– КМС.

Раскладывая пасьянс на постели, Анька спросила:

– И долго мы будем с тобой сиаемскими близнецами? Это ж немыслимо: одна спит, другая не спит, одна срёт, другая любит, одна трахается, другая – дронит! Ведь мы так через неделю с ума сойдём.

– Для того, чтоб это закончилось, мы должны разузнать, чего она так боится, – ответила Кременцова, вывернув ногу, чтобы взглянуть, нет ли на бинте крови, – она не хочет, чтоб знали, что существует её портрет, написанный, как икона. Мы должны выяснить, почему она этого не хочет, а также кем и зачем был написан этот портрет. Тогда станет ясно, как её нейтрализовать.

– Так мы вдвоём это будем выяснять, что ли? Без посторонней помощи?

– Разумеется. Трупов и так уже более чем достаточно, на мой взгляд.

– И как же мы это выясним?

Кременцова молча допила кофе. Потом ответила:

– Я не знаю.

– Тут, за больницей, есть не то озеро, не то пруд, – со вздохом сказала Анька, – пошли утопимся, чтоб не мучиться.

– Да ты бы лучше заткнулась, мученица! Тебя хоть курить не тянет.

Сказав так, Юля не спеша поднялась, подошла с тарелками к раковине и стала их мыть. Анька продолжала маяться дурью с картами.

– А здесь, кстати, ванная есть? – поинтересовалась, вымыв посуду, Юля.

– Конечно, есть. В конце коридора, напротив кабинета заведующего. Мы вдвоём погрёмся принимать душ?

– А как же! Ведь мы – сиамские близнецы. Я – тело и голова, ты – всё остальное.

– А что ещё есть у человека, кроме башки и тела? – озадачилась Анька. Юля, подойдя к тумбочке, вынула из неё махровое полотенце.

– Ещё есть то, что по поводу и без повода предлагает идти топиться, поскольку знает, что не утонет.

Ванная оказалась на удивление неплохой. Там было просторно, чисто, светло. Пока Кременцова осматривала дверной засов и окошко, Анька уже всю полоскалась, поставив большую ногу на бортик ванны. Она несколько минут хлестала себя горячей струёй из гибкого душа, сопя и ойкая. От неё валил пар. Снявшая халат Кременцова нетерпеливо моталась из угла в угол. Ей было жарко. Наконец, Анька вылезла и взяла своё полотенце. Встав в ванну так же, как в ней стояла она, Юля деловито спросила:

– А к тебе мама когда придёт?

– Наверное, завтра, – сказала Анька, тщательно вытираясь, – а что?

– Может быть, она про эту Маринку что-нибудь знает?

– Вряд ли. Да и Маринка едва ли сможет что-нибудь важное сообщить. Она – идиотка.

Надев халат, Анька стала разглядывать Кременцову, которая истязалась контрастным душем.

– Юлька, ты вроде худенькая такая! Где в тебе сила прячется?

Будто и не услышав вопроса, Юля вскричала:

– Анечка, ты ведь видела ту икону! Скажи, как учительница смогла догадаться, кто на ней нарисован?

– Честно, понятия не имею. Да я её особо и не рассматривала. Помню, женщина с гребешком. Больше вообще ничего не помню. Тебе об этом надо спросить у мужа этой учительницы. Если я тебя правильно поняла – она именно ему об этом что-то кричала.

– Если б ему – он был бы убит. Нет – он, видимо, спал беспробудным сном, когда она кому-то об этом что-то кричала, да притом так, что бабка этажом ниже, сидевшая возле форточки, всё услышала.

– Ты считаешь, в квартире был кто-то третий? – ошеломлённо спросила Анька. Юля кивнула.

– Артемьев жив. А его жена и старуха, которая слышала её крик, убиты. Значит, в квартире был кто-то третий. И она с ним общалась. Поддай, пожалуйста, полотенце!

– Ты уже всё?

– Мне сегодня с принцем не спать, – ответила Юля, закрутив краны. Взяв из Анькиных рук своё полотенце, она обтёрлась им так, что при одном взгляде на её тело не то что принц, самый краснокожий индеец сразу упал бы в обморок.

Возвращаясь в палату, они зашли в процедурный, поскольку было время уколов. Красивая медсестра в розовых штанишках на этот раз улыбнулась им и особой боли не причинила. Видимо, ей уже сообщили, что Кременцова – человек замечательный.

– Юля, вам обезболивающий не нужен на ночь? – осведомилась она, сделав обязательные уколы.

– А какой именно?

– Анальгин с димедролом.

– Спасибо, нет.

– А мне уколи, – попросила Анька. Глядя, как медсестра её инъецирует, Кременцова спросила, запирают ли на ночь лестничные решётки.

– Да, разумеется. Я их уже закрыла. А вы кого-нибудь ждёте?

– Я никого не жду. Посторонних на этаже сейчас точно нет?

– Абсолютно точно. Закрыв решётки, я обошла отделение от операционной до ординаторской. Везде свет включала.

В палате Юля стала вслух читать «Вия», сидя за столиком. Анька слушала, растянувшись на своей койке. Через сорок минут они поменялись. Анька домучилась до конца.

– Ненавижу классику, – объявила она, и, захлопнув книгу, легла в постель. Юля изо всех сил боролась со сном, закутавшись в одеяло.

– Кто будет спать? – спросила она.

– Спи ты, – предложила Анька, – я про своих собак почитаю.

И взяла справочник. Юля наблюдала за ней с тревогой.

– Гляди, не вырубись! Ведь тебе димедрол вкололи.

– Не вырублюсь. Спи спокойно.

Был уже двенадцатый час. Ободрённая заключительными словами Тиберия Горобца, ставшего философом, Кременцова крепко уснула.

Глава восьмая

Её пробуждение было страшным. Во-первых, свет не горел. Во-вторых – судя по гробовой тишине, стояла ещё глубокая ночь. И, наконец, в-третьих – Аньки в палате не было. Аньки не было! Юля поняла это раньше, чем открыла глаза и раньше, чем затаила дыхание, чтоб прислушаться. Ощущение одиночества грызло кости, как зимний холод, хлещущий из распахнутого порывом ветра окна. Это было страшно. Приняв сидячее положение, Кременцова откинула одеяло, свесила ноги, нащупала ими шлёпанцы и взяла со стула халат. Ей сперва почудилось, что дверь – настезь. Но оказалось, что не совсем. Тусклая полоска света из коридора пересекала справочник по служебному, охотничьему и декоративному собаководству. Раскрытый, он лежал близ Анькиной койки, на месте тапочек с кроличьими ушами. Сквозняк слегка шевелил страницы. Вот это уж было слишком. Юля вскочила. Надев халат на голое тело, она взяла пахнущий тушёной консервный нож, и, сунув его в карман, вышла в коридор.

Он был очень длинный и освещался лишь кое-где, поэтому до окна просматривался в одну только сторону. Кременцова старательно почесала затылок и зашагала сперва туда, стараясь не хлопать тапками. Проходя мимо туалета, она в него заглянула. Аньки там не было. Из палат доносились храп и зловоние. Коридор, как выяснилось, окном не кончался, а сворачивал вправо. Ответвление, впрочем, было весьма коротким. Оно заканчивалось решёткой, запертой на замок. За ней была лифтовая площадка и погружённая во мрак лестница. Между этой решёткой и торцевым окном здания находилась дверь операционной. Юля её толкнула, нажав на ручку, и, убедившись, что она заперта, побрела к другому концу зловещего коридора.

Последней комнатой женского отделения была сестринская, которая находилась перед вторым выходом на лестницу. Кременцова решила поговорить с дежурной сестрой. Громко постучав и не получив ответа, она потрогала дверь. Та легко открылась, и Кременцова остолбенела. В комнате горел свет. Около дивана со смятой, как после секса, постелью, стояли туфли на шпильках, принадлежавшей медсестре в розовых штанах. Но ни медсестры, ни её штанов, ни даже косоворотки в комнате не было. Одни туфли стояли. Ошеломлённая этой новой загадкой, Юля двинулась дальше, тревожно взмахивая ресничками и сжимая в кармане консервный нож. Куда медсестра могла убежать босиком, чёрт её возьми? Куда могла Анька деться? С ума они сошли, что ли?

В холле между буфетиком и мужским отделением, из которого доносился менее резкий запах и более мощный храп, Кременцову ждало ещё одно потрясение. Там стояла каталка. На ней лежал покойник в чёрном мешке. Кременцова с дрожью – вдруг Анька? – приблизилась к мертвецу и распаковала верхнюю его часть. Нет, труп был мужской и точно не первой свежести. Он смотрел. В свете синих ламп его белый взгляд не казался мёртвым. Быстро набросив на распухающее лицо покойника целлофан и перекрестившись, Юля возобновила путь свой с чуть большей скоростью. Ей почудилось, что глазами мёртвого человека злобно глядела на неё ведьма.

Процедурный был заперт. Пост, озарённый настольной лампой, пустовал. Кабинет заведующего также был на замке. В мужском туалете, который ночью служил курительной комнатой, Кременцову встретили матом сразу из четырёх прокуренных глоток. Она в долгу не осталась, но дверь захлопнула. В ординаторской её получасовое ночное странствие завершилось, поскольку там оказались все, кто был ей так нужен: и Анька, и медсестра в розовых штанах, и даже дежурный врач – лысый, бородатый толстяк в светло-голубой униформе. Он сидел за столом с двумя телефонами и пил чай. Анька прямо в тапках лежала на небольшом кожаном диване. Её ресницы были опущены, но слегка. Сквозь них блестели белки невидящих глаз.

Красивая медсестра босиком сидела на стуле посреди комнаты и курила «Парламент». Ногти у неё на ногах были ярко-красными, как рубины.

И медсестра, и врач устали на вошедшую так, будто ожидали её прихода, но не считали его желательным. Кременцову, однако, трудно было смутить раздражённым взглядом даже тогда, когда она сама понимала, что является лишней. А в тот момент её распирало прямо противоположное ощущение.

– Что такое здесь происходит? – осведомилась она, приблизившись к Аньке и взяв её за запястье, – она жива?

– Ещё как жива, – устало отозвалась медсестра, медленно закрыв и открыв глаза голубого цвета. Ей очень хотелось спать. Доктор усмехнулся. Пристально поглядев сперва на него, затем – на сестру, Юля опустила Анькину руку.

– Спит она, спит, – вяло пояснила босая стервочка, стряхнув пепел в мусорную корзину.

– Почему здесь?

– Потому, что там она тебе спать не даст. Я алпразолам ей вколола.

– Алпразолам?

– Ну, да. Пять кубов.

Кременцову начала злить эта ситуация.

– Объясните, что происходит? – потребовала она, обращаясь к лысому толстяку, – зачем ей вкололи транквилизатор?

– А вы ей кто? – спросил доктор.

– Я?

– Угу.

Юля промолчала. Врач с раздражением продолжал:

– Ну, конечно, вы, а кто же ещё? Вы требуете у нас отчёта о состоянии пациентки. Прежде чем предоставить вам конфиденциальную информацию, я обязан удостовериться в том, что вы – либо её ближайшая родственница, либо, уж извините, жена. Иначе меня отдадут под суд. И правильно сделают.

– Да она из прокуратуры, Антон Антонович, – пояснила голубоглазая, дотянувшись до пепельницы, стоявшей перед врачом, и смяв в ней окурочек. От её слов раздражение доктора не утихло – наоборот, усилилось. Отвернувшись от Кременцовой, он процедил:

– Честно говоря, плевать мне на это! Но если вам так охота знать – пожалуйста, знайте. Пару часов назад её мать погибла.

– Благодарю, – негромко ответила Кременцова и огляделась, ища глазами часы. Врач каким-то непостижимым образом догадался, что она ищет, и посмотрел на наручные.

– Три пятнадцать. У вас ещё ко мне есть вопросы?

– Когда она... ну... очнётся?

– Не раньше, чем через час. Если будет нужно, ещё уколем. Она была в абсолютной неадекватности.

Доктор показал Кременцовой правую руку. Ребро ладони было заклеено пластырем.

– Ухватила, как бультерьер! И не отцепилась, пока ей алпразолам не ввели.

– Найдите мне её адрес, – распорядилась Юля, и, сев за стол, сняла с телефона трубку. Домашний номер Кирилла Бровкина она помнила так же крепко, как свой. Начав набирать его, спохватилась – Кирилл недавно женился и переехал, а новый номер она запомнила. Пришлось звонить Карнауховой. Врач, тем временем, открыл шкаф с историями, достал из него историю Аньки и вслух прочёл её адрес. Голубоглазая стерва уже курила новую сигарету. Инна Сергеевна очень долго не брала трубку. Но Кременцова не бросала свою, так как точно знала, что Карнаухова подойдёт – либо сон досмотрит, либо стряхнёт с себя своего юного любовника, обещая прикончить неугомонную телефонную суку, и – подойдёт. Так оно и вышло.

– Слушаю вас!

– Доброй ночи, Инна Сергеевна, – пропищала Юля как можно более жалобно, – я вас не разбудила?

– Ты меня разбудила, Юлька, но абсолютно правильно сделала, если у тебя ко мне просьба. Надеюсь, ты звонишь из больницы?

– Да, из больницы, Инна Сергеевна. Я хочу поблагодарить вас за то, что вы так обо мне заботитесь. Чувствую я уже себя хо...

– Ох, только попробуй! – голосочком Багиры мякнула заместитель районного прокурора, – я тебе выпишусь! Уши оторву сразу. Ясно?

– Инна Сергеевна, я клянусь вам, что не уйду отсюда, пока не выгонят! Я курить здесь бросила, потому что мне так велели. И буду всё выполнять, что скажут! Меня сегодня отправили на Узи, клизмами замучили, но я слова грубого не сказала даже медбрату, когда он с клизмой припёрся! Но у меня, действительно, просьба к вам. Маленькая просьба, Инна Сергеевна! Если можно...

– Хватит пищать! Говори, что надо.

– Инна Сергеевна, тут девчонка со мной лежит – хорошая очень, Анечка. У неё – диабет, тяжёлое состояние. С её мамой сегодня ночью случилось какое-то происшествие – не вполне понятно, какое именно. Анька тут на моих глазах в истерике бьётся! Вы не могли бы...

– Фамилия, имя, отчество, – сухо прервала Карнаухова.

– Мамы?

– Да. Говори быстрее.

– Ой, я не знаю! Анька сейчас сказать ничего не может. Но у меня есть домашний адрес!

– Диктуй.

– Повторите адрес, – сказала Юлька врачу. Тот громко и медленно повторил.

– Я слышала всё, – сказала Инна Сергеевна, – ты из ординаторской мне звонишь?

– Да, из ординаторской.

– Хорошо, сиди пока там.

В трубке зазвучали гудки. Положив её, Юля машинально взяла из лежавшей на столе пачки «Мальборо» сигарету и закурила. Её опять всю трясло. Она совершенно не представляла, что теперь делать. С Анькой уже ни о чём не договоришься. С ней уж никто никогда ни о чём не договорится. Она ушла. Её нет. И больше не будет. Погасив сигарету после одной затяжки, Юля из-за плеча взглянула на Аньку. Анька стонала, мотая головой по подушке. Голубоглазая стерва уже наполняла шприц. Бородатый доктор, бесцельно щёлкая зажигалкой, рассказывал:

– Ровно в два звонят из милиции. лежит, спрашивают, у вас такая-то? Да, лежит, говорю. Они попросили её позвать, сказав, что к чему. Я за ней ходил. Она взяла трубку, десять секунд послушала, а потом зашлась визгом, трубку отбросила, и – давай всё крушить! Я с ней бы не справился. Хорошо, два парня из туалета шли – услышали, прибежали и помогли мне её скрутить. Один помчался за Светкой.

– Я кое-как штаны натянула жопой на перед, про туфли вовсе забыла и понеслась за алпазоламом! – весело подхватила Светка, держа в одной руке шприц, в другой – сигарету, – потом сюда прибегаю, а тут – такое! Мебель вся перевернута, документы все на полу! Хорошо, посуда каким-то чудом цела осталась, я босиком бы тут вся изрезалась!

Зазвонил телефон. Кременцова судорожно схватила трубку.

– Алло! Алло!

– Соболезную твоей Анечке, – виновато проговорила Инна Сергеевна, – её мама шею себе сломала.

У Кременцовой перед глазами всё покачнулось.

– Как? Расскажите!

– Она в час ночи зачем-то вышла на лестничную площадку. Там, видимо, оступилась и покатила вниз по ступенькам. Смерть была моментальной.

– Её никто не толкнул?

– Откуда ж я знаю, Юлечка? Тело обнаружил сосед, который решил погулять с собакой. Он утверждает, что рядом никого не было. У неё в квартире, вроде, всё цело. Больше я пока ничего не могу тебе сообщить.

– Большое спасибо, Инна Сергеевна.

– Не за что. Поправляйся. На процедуры ходить! Я проверять буду.

Положив трубку, Юля изо всей силы стиснула голову кулаками, надеясь, что она треснет. Кулакам стало больно, голове – нет. Доктор встал и вышел. Видимо, он подумал, что Кременцова будет реветь. Но он ошибался. Не было слёз у Юли. Лишь человек без сердца может заплакать, вдруг обнаружив себя в ночи, о которой сказано: «... Ночь та! Да обладает ею мрак, да не сочтётся она в днях года, да не войдёт в число месяцев! О, ночь та! Да будет она безлюдна, да не войдёт в неё веселье, да проклянут её проклинаящие день, способные разбудить Левиафана! Да померкнут звёзды рассвета её! Пусть ждёт она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы – за то, что не затворила дверей чрева матери моей и не сокрыла горести от очей моих!»

– Ты что, её знала? – спросила Светка, курая и следя за Анькой, которая продолжала стонать. Руки Кременцовой повисли.

– Кого я знала?

– Ну, её маму!

– Разве я плачу?

– Ты вся дрожишь.

– Так это естественно! У меня – гангрена.

Сказав так, Юля тяжело встала и подошла к диванчику, на котором лежала Анька. Лицо у той было бледное, мокрое, кое-где прорезанное углами гримасных складок. Не открывая глаз, она тихо плакала и шептала: «Мамочка, мамочка!»

– Не надо больше её колоть, – попросила Юля. Медсестра усмехнулась.

– А мебель новую и посуду ты, что ли, купишь?

– Она не будет больше буянить. Она уже догорела. Ты что, не видишь?

– Не вижу, – холодно бросила медсестра, но шприц отложила.

– Выйди отсюда, – сказала ей Кременцова, глядя на Аньку. У медсестры изогнулись брови.

– Вот это номер! Что значит – выйди? Я, кажется, на работе! Ты не имеешь права так со мной разговаривать.

Кременцова бухнулась на колени. Светка вскочила. Её лицо сделалось беспомощно-оскорблённым.

– Да это... это не гнойная хирургия, это психушка какая-то!

И немедленно убежала, захватив шприц. Взяв Анькину руку, Юля поцеловала её.

– Прости меня, Анька! Нет, не сейчас, сейчас – невозможно! Потом, когда-нибудь – не здесь, там... Прости меня, ангел мой!

– Мама, мама, мама, – ласково повторяла Анечка. Уже именно ласково, а не сдавленно. Перед ней, должно быть, мелькала вся её жизнь. А Юля вдруг зарыдала, уткнувшись носом в линолеум и вцепившись руками в волосы. Что за ночь! Обычная ночь. Месяц – пастушок, а звёзды – овечки. Туман – животное, очень доброе, но ворчливое. Как не плакать? Как не разбить себе нос об этот линолеум? Лоб – нельзя, потому что Анька пока жива, а нос – вполне можно. И на линолеум заструилась кровь – безвольная, безответная. Вот же мразь! Скажешь ей – теки, и она течёт, да так незаметно! Даром, что кровь.

– Ах, мать твою драть! – заорала Светка, войдя и яростно хлопнув дверью, – этого мне ещё не хватало! Мать твою драть! Весь пол извазюкала! А ну, встань! Я сказала – встань, зараза такая!

Пристально глядя на свою кровь, которая растекалась между руками, и звонко хлюпая ею, лейтенант Кременцова проговорила:

– Светочка, это ты?

– Нет, насрала! Быстро вставай! Считаю до трёх! Если на счёт «три» ты не встанешь – врежу ногой по заднице! Мне плевать, что ты из прокуратуры! Раз...

Чуть повернув голову, Кременцова увидела ноги Светки. Она была по-прежнему босиком. Ступни были те же – белые и красивые, но... не ногти. Да, в этой области наблюдалась очень серьёзная перемена! Цвет отшлифованных, идеальных ногтей теперь, пять минут спустя, не то что на красный, даже на розовый не тянул. Он, скорее, был розоватым.

У Кременцовой сердце подпрыгнуло до гортани и там застряло, надолго остановив дыхание. Ведьма! Ведьма успела задушить Светку и натянуть её брюки! И вот она – уже здесь, стоит перед нею!

– Два!

Нельзя поднимать глаза, иначе она набросится! Это было бы ничего, если бы она была безоружна, но у неё, скорее всего, есть нож. Или гребешок. Нет, надо дожидаться, когда она скажет «три» и поднимет ногу. Тогда – подсечка, наскок, короткий удар по горлу, и – точка в повести под названием «Вий», нелепо растянутой на столетия! Утерев ладонью кровоточащие ноздри, Юля воскликнула:

– Дай мне руку! У меня страшно кружится голова. Помоги, пожалуйста!

– Три! Я предупредила. Теперь пеняй на себя.

Правая нога поднялась для удара пяткой. Одной секунды Юле хватило, чтоб припасть боком к полу, поджать колени и выполнить сокрушительный взмах ногами. Подсечка вышла великолепная. Распроклятая ведьма грохнулась навзничь, заорав так, как могут орать, несомненно, одни лишь ведьмы. Ещё через полсекунды Юля сидела на ней верхом, заноса ладонь для удара. Но вот удар-то не состоялся. К счастью, лицо у Светки было таким красивым, что не узнать его, даже искажённое ужасом, не смогла даже лейтенант Кременцова. Её рука опустилась, челюсть отвисла.

– Караул! Убивают! – вопила Светка, молотя пятками по линолеуму, – На помощь! Спасите! Антон Антонович!

– Что с твоими ногтями? – пролепетала Юля, от изумления не слезая со своей жертвы, – они ведь красные были!

Антон Антонович, прибежав, стащил её с медсестры.

– Вы с ума сошли?

– Не сошла! Простите, я... я решила, что она – панночка.

– Кто, кто, кто?

– Ну, панночка! Ведьма. Вы не читали Гоголя, «Вий»? Кино не смотрели?

Светка, поднявшись, с оханьем тёрла ногу ниже колена. Судя по её роже, подсечка действительно удалась. Ногти у неё на ногах опять были красными. Анька всё звала маму.

– Чья это кровь? – спросил врач.

– Моя, – осторожно призналась Юля, на всякий случай краснея. И тут она вдруг сообразила, что с ней случилось.

– Знаете, я упала, расшибла носик и очень долго смотрела на свою кровь. Поэтому мне почудилось, что у медсестры – не красные ногти. Со мной такое часто бывает. На кровь насмотрисься – и предметы красного цвета уже не кажутся красными.

– Да ты дура, – выпрямившись, спокойно сказала Светка. Её большие глаза со свирепой ненавистью глядели на Кременцову. Та покраснела ещё сильнее, даром что потеряла пол-литра крови.

– Прости меня! Я реально думала, что ты – ведьма.

– Сегодня что, полнолуние? – обратился врач к медсестре.

– Понятия не имею.

– Ладно, вкати-ка этой гражданке кубиков шесть димедрола в мягкое место. Пусть отдохнёт хотя бы до завтрака.

Не спеша идя к процедурному впереди хромающей медсестры, Кременцова думала, как бы к ней подлизаться так, чтоб было не вполне ясно, чего она добивается.

– Какой краской волосы красишь? – поинтересовалась она, с тревогой следя, как Светка ломает ампулы с димедролом и наполняет шприц, – наверное, дорогой? Офигенный цвет!

– Задницу готовь.

– А я буду спать после этой штуки?

– Оголяй жопу! Быстро!

В десятый раз за минувшие сутки исполнив эту команду, Юля скороговоркой протараторила:

– Знаешь, я потому спросила, что мой начальник обещал утром ко мне приехать и посоветоваться со мной, какую из медсестёр, здесь работающих, можно взять на работу в ведомственную поликлинику. А ведь если я буду спать, как убитая...

Шприц вонзился. Было ужасно больно. После укола Юля хотела выйти, но медсестра скомандовала:

– Стоять!

– Почему? Зачем?

– Провожу.

Взяв из шкафчика пузырёк со спиртом, голубоглазая вредина запихнула его в карман, погасила свет и открыла дверь. Вышли. Заперев процедурный, Светка повела Юлю к палате за руку. И не зря – шагов через пятьдесят Юля начала спотыкаться. Входя в палату, она уж смотрела сон. Толкнув её на кровать, медсестра сняла с неё шлёпанцы. Потом вышла. Она могла поспать полтора часа, но в сестринскую зашла только для того, чтоб глотнуть «Нескафе» со спиртом, выкурить сигарету и надеть туфли. С четырёх пятнадцати до пяти тридцати она была с Анькой.

Глава девятая

Для утреннего укола Юлю переворачивать не пришлось, поскольку она спала кверху попой. Светка её уколола так, чтоб не разбудить. Не смогла её растолкать и дама, которая возила завтраки. С этой задачей справились лишь Галина Иосифовна и её помощница Вера, нагрянувшие за час до обеда. Они сначала содрали с правой ноги Кременцовой пропитанную засохшей кровью повязку и наложили новую, затем начали приводить пациентку в чувство. После минутного торможения, щекотания и щипания за уши Кременцова открыла мутные глазки.

– Доброе утро, – произнесла Галина Иосифовна, разглядывая её с большим недовольством.

– Доброе утро...

Язык не слушался. То есть, слушался, но не Юлию Александровну, а какую-то идиотку внутри неё.

– Простите, я... Мне, по-моему... Я лежу... Мне надо... Я должна встать, наверное, да?

– Вы помните, кто я, Юля? – строго спросила доктор.

– Конечно, помню! – бодро, уверенно и уже чуть более внятно ответила Кременцова, пытаюсь вспомнить. Ей это удалось. Почти сразу вспомнилось остальное. Похолодев, Кременцова бросила взгляд направо. Весёлая медсестра, толкая перед собой тележку с бинтами и всякой гадостью, покидала палату. Анькина койка была пуста. Справочник по служебному, охотничьему и декоративному собаководству лежал на тумбочке.

– Что у нас за приступ был ночью, Юленька? – продолжала допытываться врачаха.

– Ночью?

– Да, ночью, ночью! Скажите мне, что вы сами об этом думаете?

Кременцова не знала, что отвечать. Галина Иосифовна вздохнула.

– Я попрошу вас после обеда спуститься к невропатологу, на четвёртый этаж. История будет там. Вы меня услышали? Не забудете?

– Я спущусь.

Врачиха кивнула и устремила след за сестрой.

– Галина Иосифовна! Скажите, а Анька где?

Галина Иосифовна застыла. На её властном лице возникло короткое замешательство, уступившее место странной улыбке. Эта улыбка и эта странность её угадывались под маской.

– Анечка-то? Она в другом отделении. У неё возникли проблемы с почками.

– Да?

– Конечно. Ведь у неё же, Юленька, диабет! Тяжелейшей формы. Почки поражены. А тут ещё это нервное потрясение! Вот и приступ.

– Это опасно?

– Юля, я – не уролог. Трудно сказать.

Оставшись одна, Юля встала с койки и босиком прошла до окошка, потом – обратно. Пол под её ногами качался, как корабельная палуба. Мимо полуоткрытой двери палаты прошествовала, о чём-то переговариваясь, большая группа врачей во главе с заведующим. Сердце у Кременцовой тоскливо ныло. Решив сварить себе кофе, она включила Анькин электрочайник, и, сев на Анькину койку, взяла от нечего делать собачий справочник. Тут вошла санитарка с капельницей. Поставив штатив у койки, предупредила:

– Будьте в палате. Сейчас придёт медсестра.

– Скажите, а Светочка не ушла ещё?

– Светка-то? В процедурном, уколы делает. К вам она, как я понимаю, сама зайдёт. Ведь вы у нас барыня!

Проводив санитарку стеклянным взглядом, Юля открыла справочник. Начала листать. Интересовали её, естественно, фотографии. На разделе «Сеттеры» она стала листать помедленнее, потому что очень любила эту породу. И вдруг её рука дрогнула, надорвав страницу, как рука Бекки Тэтчер из «Тома Сойера». Глядя в книгу, Юля стала сопеть от недоумения. Два взъерошенных, рыжих ирландских сеттера возбуждённо застыли друг перед другом, мордочка к мордочке. Это были кобель и сука. Сука была очерчена карандашной рамочкой – но не горизонтальной, как того требовала, казалось, форма собаки, а вертикальной, как если бы это было изображение человека. Левая линия этой рамочки протянулась между носами суки и кобеля, чётко отделяя их друг от друга. И эта самая линия почему-то была двойной. Да, именно одна, левая.

На лбу Юли выступил пот от невероятного напряжения мысли. Когда, а главное – с какой целью обвела Анька рыжую суку иконообразной рамочкой? Вероятно, минувшей ночью, под впечатлением разговора. Ну а зачем, зачем она провела перед её носом карандашом именно два раза? Вот ребус-то! Ведь не поленилась достать из тумбочки карандаш! А кстати, есть ли он в тумбочке?

Тут же выдвинув верхний ящик, Юля увидела карандаш. Взяв его, проверила, тот ли грифель по цвету и заострённости. Грифель был, похоже, тот самый. Так что хотела Анька сказать ей этим рисунком? Или не ей? Но тогда кому?

Влетела, колотя шпильками, Светка – сонная, злая. В руке у неё был шприц.

– Кременцова, жопу!

Отложив справочник, Юля встала и приготовилась. Всадив шприц, медсестра спросила:

– Ты знаешь, что Анька – в реанимации?

Юля вздрогнула.

– Как?

– Вот так.

– А что с ней случилось?

– Почки накрылись. Она мне, кстати, всё рассказала.

Юля присела. Но не от боли – от ужаса.

– Что она тебе рассказала?

– Да всё, всё, всё! Про панночку, про икону, про твоего начальника, про собаку, про гребешок и про Петьку.

Выдернув шприц, Светка рассмеялась.

– Ну, вы и дуры конченные! Совсем с ума посходили.

– Зачем она это сделала? – повернувшись, спросила Юля. В её глазах были слёзы. Светка, смеясь, надвинула на иглу колпачок.

– Она ведь в бреду была! Ну, точнее, в полубреду. Потом вдруг опомнилась, заорала: «Ой, что я сделала! Теперь ведьма тебя убьёт!» Короче, дурдом на выезде, да и только.

– Света, зайди ко мне, пожалуйста, на минуту, когда закончишь, – сдавленным голосом попросила Юля, сев на кровать. Медсестра, сказав, что делать ей больше не хера, кроме как навещать психбольных, уцокала в процедурный.

Чайник давно вскипел. Только Кременцовой было уж не до кофе. Она сидела, будто пришибленная. Вошла внутривенщица. Ей пришлось дважды попросить пациентку лечь и поднять рукав. На её вопрос относительно самочувствия Кременцова дала ответ с четвёртого раза:

– Спасибо, лучше.

– Руку не щиплет?

– Нет.

Зафиксировав иглу пластырем, внутривенщица удалилась. Через сорок минут привезли обед. Так как Кременцова не выразила желаний отказаться, разносчица, заняв собой полпалаты, водрузила на стол три грязных тарелки с какой-то мерзостью и ушла, ворча себе под нос, что здесь не прокуратура, где можно и промолчать, когда к тебе обращаются. Мерзость ещё дымилась, когда опять прицокала Светка. На этот раз она цокала не так громко, поскольку туфли были другие. Сняла она и розовые штаны, заменив их джинсовой юбкой почти до пяток. Вместо косоворотки надела чёрную кофту. Переменился и взгляд её: был насмешливым, стал растерянным. Но, увидев, что капельница закончилась, она машинально выдернула иглу из Юлиной вены, перелепила пластырь на ранку.

– Лежи, не дёргайся! Согни руку.

Потом она уселась на стул.

– Анька умерла? – догадалась Юля. Ответом ей был кивок. Молчание длилось долго. Юля не отрывала взгляда от потолка. Он не расплывался и не мутнел, хотя Юля знала, что жить ей более незачем, да и умирать не имеет смысла. Вечность – отравлена. Медсестра глядела в окно. Пришла внутривенщица. Обменявшись со Светкой парой каких-то реплик, унесла капельницу.

– Она была там, у Аньки, – сказала Светка.

– Кто? Рыжая?

Медсестра взглянула на дверь. Потом с какой-то мольбой воззрилась на Кременцову.

– Ты её видела, что ли? – спросила та.

– Я...

Ещё один взгляд на дверь, и – скороговорка:

– Я шла сейчас к проходной по скверу... Тут, за корпусом, где служебный вход – скверик, а за ним, слева – реанимация. Иду, вижу – двери открыты!

– В реанимации?

– Да, да, да! Я остановилась от удивления. Вдруг смотрю – из реанимации выбегает собака! Большая, рыжая. Огляделась по сторонам, и за пищеблок – шнырь! Меня она не увидела за деревьями. Я влетаю в реанимацию, там – такое! Стол опрокинут, стул опрокинут, телефон с тумбочкой – на полу, капельница – там же, разбитая, медсестры нет, Анька лежит скрюченная, не дышит! Глаза широко открыты и так глядят, что я чуть не сдохла! За телефон берусь – ..., провод оборван! Тут прибегают сестра и врач из административного корпуса...

– Что сказала сестра? – перебила Юля.

– Да что сказала! «Сижу я около Анечки, вдруг врывается псина, и – на меня! Я еле успела выскочить! Административный корпус был ближе, так я в него и помчалась!» Вот что сказала.

– Ой, какой ужас! – крикнула Юля, и, спрыгнув на пол, одним движением сорвала халат со своего тонкого тела, – какие все кругом идиоты!

Светка растерянно наблюдала, как она одевается. Мяла пальцами сумочку – небольшую, прямоугольной формы, с плетёным тонким ремнём.

– Скажи, Кременцова, что этой твари нужно?

– Убить тебя и меня, – ответила Кременцова, надев носки и взяв джинсы, – мы про неё слишком много знаем! Мне на себя плевать после смерти Аньки, поскольку в ней виновата я и больше никто, но я не хочу, чтоб из-за меня погиб ещё кто-то! Ты где живёшь?

– Я? На Армавирской. Недалеко отсюда.

– Одна живёшь?

– С мужем. С бывшим.

Юля уже застёгивала рубашку.

– Ну, если с бывшим, нам будет лучше пожить какое-то время в моей квартире. Я живу на бульваре Маршала Тухачевского.

– У тебя пожить? – изумлённо переспросила Светка, вытаращив глаза. Юля удивилась не меньше.

– Да, у меня. А что здесь такого? Надеюсь, ты понимаешь, что мы теперь сможем выжить только вдвоём?

Светка не ответила.

– Понимаешь? – пристала к ней Кременцова, – или не понимаешь?

– Но ты ведь не долечилась ещё!

– Практически долечилась! Нога выглядит нормально, не беспокоит. Уколы ты мне и дома поколоть сможешь. Курить я бросила.

– Ну а как я буду сюда на работу ездить? С тобой под ручку?

– Отпуск возьмёшь, отгулы, больничный! Не знаю, что! Мне нужна неделя! Я за неделю выведу эту мразь на чистую воду! Она боится – стало быть, есть, за что её взять! Неделя!

Светка вдруг жалобно заморгала. Выронив сумочку, приложила к лицу худые, белые руки и заскулила:

– Господи, боже мой! За что мне опять? Ведь я никому ничего плохого не сделала! Никому! Во что ты меня втянула? Чёртова дрянь! Скажи мне, во что ты меня...

– В полное дерьмо, – оборвала Юля. Переложив свои вещи из тумбочки назад, в сумку, она решительно присоединила к ним справочник по служебному, охотничьему и декоративному собаководству. Хотела взять ещё какую-нибудь вещь Аньки на память, но передумала, рассудив, что память и без того изложет её несчастную душу до сердцевины костей. Выдвинув, тем не менее, нижний ящик Анькиной тумбочки, она вдруг обнаружила в нём надёжное подтверждение своей мысли. Это была небольшая книжка – Булгаков, «Мастер и Маргарита». Отлично! В точку.

Между тем, Светка вдруг успокоилась и уже была как будто очень даже довольна возможностью сменить место жительства.

– Только мне домой придётся заехать, вещи забрать, – сказала она, помогая Юле застегнуть сумку.

– Ну хорошо, заедем. Только на чём?

– Тут троллейбус ходит до Армавирской.

Всучив медсестре гитару, Юля надела шлёпанцы, взяла сумку, и – напоследок не удержалась, обвела взглядом маленькую палату. Не нужно было этого делать. Ведь она провела здесь не год, не месяц и не неделю – всего лишь полтора дня. Тридцать шесть часов! Да, за это время её судьба успела сплестись с судьбой больной проститутки так, что теперь, когда разодрали – хлынула кровь. Ну и что с того? Подумаешь, кровь! Анькина постель осталась такой, какой её оставила Анька, бросившись к телефону. В тумбочке аккуратно лежали вещи и книги. На столе стоял чайник, блестящее зеркальце в резной раме. Но мягких тапочек с кроличьими ушами возле кровати не было. Где они теперь, интересно? В реанимации? Или уже в мусорном контейнере?

Кременцова рыдала громко, уронив сумку и сев на стул. Светка обнимала её.

– Ну, всё! Хватит, хватит! Юленька, перестань, не плачь. Ей бы через год отрезали ногу. Точно отрезали бы!

– То...точно? – переспросила Юля, глотая слёзы.

– Конечно! Я тебе говорю. У неё сахара зашкаливали всё время. Ведь ты же знаешь, чем она занималась! Разве она могла за собой следить? Когда вопрос встал бы остро, она сама...

Юля хорошенько умылась, и они вышли из маленькой, светлой комнаты навсегда. В коридоре, к счастью, не встретили никого. Спустились по лестнице.

День был тёплый. Светило солнышко. Тополя и клёны стояли голые. Пройдя скверик, Светка и Юля нагнали двух санитаров, которые везли к моргу каталку с трупом в чёрном мешке.

– Ребята, это моя подруга, – сказала Юля, остановив санитаров, – позвольте мне попроситься с ней.

– Сигарету дай и прощайся!

Светка дала. Открыв лицо Анечки, Юля вздрогнула. Мёртвая, в самом деле, смотрела страшно. Смерть изменила её черты, придав им страдальческой утонченности. Юля поцеловала синие, ледяные губы покойницы. Взяла сумку, поставленную на землю.

– Ну всё, пошли.

Перед проходной была лавочка.

– Помянуть не хочешь? – спросила Светка.

– Хочу. А чем?

Медсестра расстегнула сумочку и достала пузырёк спирта. Сели.

– Он не разбавленный, что ли?

– С ума сошла? Конечно, разбавленный! Но чуть-чуть. Вот тебе конфетка ещё.

После осушения пузырька Светка закурила. Юля взяла гитару, стала играть «Зелёные рукава». Лавочка стояла под клёном. Он звенел ветками на ветру. Осеннее солнце шурилось, улыбалось. За проходной шумела большая улица.

– Так вы с мужем просто соседи? – спросила Юля, начав играть другую мелодию.

– Да. И он мне – не муж. Уже три недели как развелись.

– Любовь прошла, что ли?

Светка зевнула и усмехнулась.

– Её и не было.

– А зачем тогда поженились?

– Ну, зачем люди женятся?

– По любви. По залёту. Из-за жилплощади. Из-за денег.

– От безысходности.

Кременцова так удивилась, что зацепила ногтем не ту струну.

– Я не понимаю! Ты красивее Мэрилин Монро!

– Не обо мне речь.

– Тем более непонятно! Ты вышла замуж за нелюбимого человека только из-за того, что у него не было шансов жениться ни на какой другой женщине?

– Да.

Внутри проходной, которая представляла из себя будку с приделанным к ней шлагбаумом для машин, вдруг вспыхнул скандал. Охранник отказывался впускать синюшного мужика с четырьмя бутылками водки. Мужик орал, что это, мол, для врача. Охранник орал, что к такому пойлу не то что врач – санитар из морга не прикоснётся. Очередь к проходной стремительно и ворчливо росла вдоль улицы.

– Я сейчас, – мяукнула Светка, и, резво встав, прошмыгнула в будку. Крики сразу же стихли. Через минуту Светка и алкашенок вышли на территорию.

– Ой, спасибо, родная, – пробормотал мужик, достав из пакета одну бутылку и вручив её Светке, – век не забуду, милая!

– Мне плевать, забудешь ты или нет! Яблоко давай.

Мужик дал два яблока – небольших, но красных, и зашагал к четвёртому корпусу. Сев обратно на лавку, Светка зубами вскрыла бутылку и протянула её отложившей гитару Юле, предупредив:

– Но только учти: тебе пить нельзя!

– Почему?

– Лекарства, которые тебе колют, несовместимы с водкой.

– Плевать!

Хлебнув грамм по семьдесят, вгрызлись в яблоки. Потом Юля стала разглядывать мужиков, проходивших мимо, а её собутельница, закулив последнюю сигарету, коротко изложила и предысторию, и историю своего недолгого брака. Да, она вышла замуж из жалости, но с иллю-

зией, что объектик этого чувства, по меньшей мере, боготворит её. Однако, довольно скоро ей стало ясно, что он решил с её помощью доказать самому себе и своим друзьям, что очень даже способен соблазнять женщин, притом красивых. И одного доказательства ему показалось мало.

– Он изменил тебе, что ли?

– Если бы изменил! Но это даже изменой назвать нельзя! Он просто ... развёл. И притом в открытую.

– Так значит, он при деньгах?

– С весны. Он – бухгалтер. Пятнадцать лет отработал в каком-то сраном НИИ. А в марте его приняли по конкурсу на совместное российско-американское предприятие. И – посыпались деньги.

– И, говоришь, в открытую?

– Домой водит.

Юля взглянула на потускневшее, замутнённое гарью солнце. Оно висело низко над крышами и двоилось. Светка, тем временем, ещё раз приложила к мерзкой бутылке. Юля последовала её примеру. Догрызли яблоки, помолчали.

– А ты одна живёшь?

– Да, одна.

– А был кто-нибудь?

– Да, были.

– Ну, и чего?

– Ничего. Не люблю я это.

– Что ты не любишь?

– Ну, с мужиками спать не люблю.

– А зачем спала?

– Как зачем? Можно не любить, например, лечиться, но надо. Иначе сдохнешь.

– Может быть, мужика нормального не было?

– Были всякие.

Улыбнувшись солнышку, Кременцова тихо прибавила:

– Мне Илюха, кстати, понравился!

– Какой? Наш?

– Ну, да.

Светка изумлённо сузила глазки.

– С ума сошла? Ему девятнадцать лет!

– Я не собираюсь с ним трахаться. Он мне просто понравился.

Светка молча взяла бутылку и уронила её. Бутылка разбилась.

– Мать твою драть! Ах, мать твою драть!

– Не переживай, – утешила свою спутницу Кременцова, – нам уж пора.

Она не рискнула доверить Светке нести гитару. Дала ей сумку, а у неё взяла сумочку с ремешком. На проходной Светка умудрилась запутаться своей длинной юбкой в вертушке.

– Да ты доедешь до дому? – усомнился охранник, распутывая её.

– А ты предлагаешь с тобой остаться? Шустрый какой! За задницу, кстати, необязательно трогать!

Идя к троллейбусной остановке мимо ларьков, в которых чем только не торговали, Светка и Юлька завели спор о том, какой виски лучше – ирландский или шотландский, хотя ни тот, ни другой даже и не видели. Тем не менее, спор едва не дошёл до драки. Их примирил семьдесят четвёртый троллейбус. Он подъезжал к остановке, едва видневшейся вдалеке. С криками «Стой! Стой!» тяжелобольная и медработница со всех ног ринулись к нему. Кое-как успели. Большая, рыжая, с маленькими ушами собака, которая шла за ними от проходной, задумчиво поглядела вслед отъезжающему троллейбусу и нырнула в какую-то подворотню.

Глава десятая

От остановки пришлось ещё тащиться пешком. Это было пыткой, поскольку нежные организмы обеих дам бросили все силы на усвоение водки дурного качества. Наконец, дотащились до девятиэтажного дома с тремя подъездами, на который издалека указала Светка. Она, по счастью, жила на первом. Для того, чтобы вставить ключ в замочную скважину, ей понадобились обе руки, да ещё и рот, поскольку не матерятся, согласно народной мудрости, только те, кто ничего не делает. Дверь была металлическая, обитая дерматином. Войдя со Светкой, Юля увидела голубые обои, серый линолеум, трюмо, вешалку с двумя куртками и бухгалтера. Невысокий, невзрачный, с узкими глазками, он стоял перед зеркалом и завязывал галстук. Светку он встретил пренебрежительным, косым взглядом, а Юлю – пристальным, с наглечой.

– Посиди на кухне, – сказала Светка своей попутчице, направляясь в одну из комнат, – я за полчаса упакуюсь.

– Что это значит, Светлана? – подал писклявый голос бухгалтер, – ты собираешься съехать? Имей в виду – тебе всё равно придётся вносить половину квартирной платы, пока мы эту жилплощадь не разменяем! Мне твоё комната не нужна.

В ответ прозвучали три кратких слова, после чего Светлана закрылась в комнате. Кременцова молча прошла на кухню. Та оказалась весьма просторной, но бедновато обставленной. За столом, под клеткой с унылым розовым какаду, очень симпатично сидела, закинув ножку на ножку и завернув за голень маленькую ступню, голая гражданка лет восемнадцати. Она с чавканьем пожирала прямо из сковородки жареную картошку с тушёным мясом. Юлю она приветствовала улыбкой во всю мордашку и дружелюбным взмахом руки, свободной от вилки.

– Ложки – вон там, – указала пальцем на шкафчик, – а хлеб, по-моему, кончился. Можно я ещё немножко поем? Тут много останется.

– Ешь хоть всё, – ответила Кременцова и примостилась с другой стороны стола. Девчонка разглядывала её с большим интересом.

– Меня зовут Эльсинора. А тебя?

– Юля.

– Откуда ты?

– Из прокуратуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.